

ДОЧЬ МОЛОЧНИКА.

ИСТИННАЯ И ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ

П О В Ъ С Т Ъ .

ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

Третіе Изданіе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Греча.

1 8 1 7.

**НОВЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ ПЕЧАТАТЬ ПОЗВО-
ЛЯЕТСЯ.**

Санктпешербургъ, Іюля 3 дня 1817 года.

*Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тилковской.*

ДОЧЬ МОЛОЧНИКА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изслѣдованіе и обнаруженіе дѣйствій благодати Господней, являющихся въ свойствахъ и образѣ жизни истинныхъ чадъ Божіихъ, доставляетъ весьма пріятное занятіе. Съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчается при томъ, что не рѣдко въ людяхъ самаго бѣднаго состоянія блистаетъ небесная благодать, свидѣтельствующая о Господѣ Иисусѣ Христѣ въ нихъ обитающемъ. Между ими-то владычествуютъ искренность и простосердечіе Христіанскія; они свободны отъ оковъ, кои не допускаютъ разуму предаваться духовному, и копорыми, весьма часто, связаны мудрые и знающіе міра люди. Сіи послѣдніе должны превозношеніемъ, численныя препоны, богатствомъ, обремененными обязанностями, свѣтскими занятіями, и наконецъ высокими связями имъ противопоставляемыя, ежели захотятъ предаваться Религіи. Въ самомъ дѣлѣ большое есть по счастью, каковому встрѣчающся и примѣры, когда благодать въ борьбѣ съ природною гордостью и превозношеніемъ, съ прелестями роскоши, удовольствій и мірскихъ суевъ, до такой степени одерживаетъ верхъ, что знающіе и могущественные славятся истинною нищетою духа, совершеннымъ опреченіемъ самихъ себя, непришворною скромностію и глубочайшею духовностію сердца. Вообще однако же, если

хочешь видѣшь религію во всей ея чистотѣ, то надлежитъ искашь оную между убогими (по смыслу міра сего), копорые богаты вѣрою. Хижина бѣднаго, не бываешь ли часто черпгомы Божіимъ? Многіе изъ насъ священниковъ чистосердечно свидѣшельсвовашь могутъ, что тамъ получили мы драгоценнѣшіе уроки въ вѣрѣ и надеждѣ, и что тамъ были мы свидѣшелями разительнѣйшихъ доказательствъ Премудрости, Всемогущества и Благости Всевышняго.

Описаніе особы, съ копорою я хочу здѣсь познакомитъ моихъ читателей, равно какъ и содержащіяся въ ономъ обстоятельствѣ ея жизни, основаны на сущей истинѣ. Я познакомился съ нею посредствомъ слѣдующаго ея ко мнѣ письма, копорое опъ слова до слова съ подлинника здѣсь списываю.

Милостивый Государь!

Пріемлю смѣлостъ къ вамъ пишу, и прошу меня въ томъ извинитъ, поелику я никогда не имѣла чести съ вами лично объясняшься. Слышала я только однажды проповѣдь вашу въ церкви. Я почиаю васъ истиннымъ проповѣдникомъ, призваннымъ осперечь грѣшниковъ, дабы спарались избѣгнутьъ гнѣва, долженствующаго постигнутьъ всѣхъ тѣхъ, копорые проводятъ жизнь въ беззаконіяхъ и умираютъ безъ раскаянія. Продолжайте подвизаться силою Господнею; да благословитъ Онъ васъ и увѣнчаетъ успѣхами благошворные шруды ваши. Обращеніе многихъ душъ да будетъ возмездіемъ вашимъ.

Господь обѣщаль пребыть до скончанія вѣка съ тѣми, коихъ избралъ и послалъ проповѣдывать Слово свое; ибо безъ Него мы ничего шворить не можемъ. Бодшее ощутила я въ

душѣ моей утѣшеніе, услышавъ о челоуѣколюбіи, оказанномъ вами одному бѣдному солдату изъ милиціи. Конечно любовь ко Христу привела васъ къ сему несчастному: да пребудешь въ васъ любовь сія на всегда, да укрѣпляясь вѣрою принесеть она обильные плоды, да руководствуемъ она вами къ отысканію пребывающихъ въ заблужденіи грѣшныхъ душъ и да родишь она въ васъ пламенное желаніе служишь и даже жертвованъ собою во славу Господню. Благодашь Духа Святаго да исполнишь слова ваши силою для совершеннаго внутренняго убѣжденія слушающей вашихъ! да большая изъ нихъ часть возчувствуешь божественную въ сердцахъ перемѣну и содѣлающую новыми тварями во Христа Іисуса.

Не преставайше, Милостивый Государь, возсылай пламенныхъ моливъ ко Пресолу Царя Царей о томъ, чшобы Онъ удостоилъ убѣдишь и обратишь грѣшниковъ. Могушество Его безпредѣльно: кшо оному вопрошившися можешь? Онъ обѣщаль услышашъ моленія вѣрующихъ, возсылаемая къ Нему во имя Сына Его. *Вся елика аще молящися просипе, вѣруйте, яко пріемлете: и будетъ вамъ.* Какъ не ушвердишься намъ въ вѣрѣ нашей, когда собшвенныя Его и Духа Святаго Слова насавляютъ насъ, какъ молишься? О! сколь усладительна надежда, коею преисполняемся и кошорая возбуждаешъ упомянутый духъ нашъ, когда вникаемъ во всѣ драгоценныя обѣщанія Божіи! Какое милосердіе, когда познаемъ Христа и возчувствуемъ въ сердцахъ нашихъ силу Его Воскресенія. Вѣрою во Іисуса Христа мы оживошворяемся въ надеждѣ и въ ожиданіи, чшо близко по время, въ кошорое всѣ познають Господа и преклонятъ колѣна предъ Нимъ, и въ кошорое всѣ племена земныя въ одинъ день возстануть.

Какое насчанеть счастливое время, когда придетъ Царствіе Христова! Тогда *будеть воля Его, яко на небеси, и на земли.* Тогда люди ежедневно будутъ питаемы манною Его любви, радовашься о Господѣ и уже въ юдоли сей наслаждашья сшануть раемъ. — Какимъ при шаковыхъ мысляхъ душа моя объемлетъ восхищеніемъ и какою преисполняешя силою слѣдовашь заповѣдямъ Божиимъ, дабы также удостоишья принестъ хотя слабую жертву хвалы во славу Бога и Агнца!

М. Г. Въ минувшее воскресеніе, не бывъ въ состояніи идти въ церковь, начала я писашь сіе письмо. Любезная и единая сеспра моя, находясь въ услуженіи у Госпожи ***, столь сильно занемогла, что я пришла засшупишь ея мѣсто и имѣть объ ней попеченіе. Но теперь ивъшь уже ея на свѣшъ; иначе бы я васъ просила ошвъчашь ей на сіе мое письмо; ибо она совершенно убѣдилась, какъ въ грѣховности прошедшей ея жизни, такъ и въ томъ, что не шеспвовала по путямъ Господнимъ и не спаралась исполняшь воли Его; но пламенное возымѣла желаніе перемѣнишь образъ своей жизни. Сіе и раждаешь во мнѣ утѣшительную надежду, что она преселилась въ обитель вѣчной славы, и что теперь въ полномъ мирѣ соприсслена къ лику Ангеловъ, дабы купно съ ними воспѣвашь безпредѣльную любовь Искупителя. Днесъ могу я кажется писать: *Блаженн мертви умирающии о Господѣ.*

Она изъявила мнѣ желаніе причастишья Святыхъ Таинъ. Я объясняла ей, сколько способности мои шо позволяли, въ чемъ состоишь сердечное сочешаніе со Христомъ; но усилившаяся слабость ея, не позволяла ей со мною ошомъ разсуждать. Предъ смертію казалась она совершенно преданною въ волю Божию. Я на-

дѣюсь, что она, оставя плѣнный и грѣховный міръ сей, на вѣки соединилась съ Богомъ.

Льщу себя надеждою, что вы, М. Г., не оскорбились шѣмъ, что бѣдная пварь и невѣжда приняла смѣлосшь къ вамъ писашь; уповаю напрошивъ того, что вы, будучи призваны насталять грѣшниковъ и указывашь имъ путь начертанный Богомъ, не полько меня извинише, но и удоспоише меня опивѣпомъ на сіе письмо, сколь бы оно нескладно написано ни было, и дадите мнѣ какія либо наставленія. Единое желаніе сердца моего соспоишь въ пріобрѣщеніи духа, кошорый обиталъ во Хриспѣ, дабы воскреснушь въ подобіе Его, и шѣмъ самымъ содѣлалась совершенно счастливою.

Сестра моя изъявила желаніе, чшобы вы ее оппѣвали. Священникъ нашего прихода прійши не можешъ. Она погребена будешъ въ Она скончалась во вторникъ по ушру и погребена будешъ въ пшницу или въ суббошу, въ кошорый изъ сихъ двухъ дней для васъ удобнѣе будешъ, въ три часа по полудни. Сдѣлайше одолженіе, дайте мнѣ знашь чрезъ вручшеля сего письма, можете ли вы снизойши на прозьбу вашей недосшойной услужницы

Елисаветы В.

Чрезвычайно поразилъ меня простый, но пламенный духъ благочеспія, обнаруживаемый симъ письмомъ. Хошя и было оно писано дурнымъ почеркомъ и безъ правописанія; но сіе еще болѣе умножило мое уваженіе къ писательницѣ онаго, кошорой я еще не зналъ; ибо сіе служило явнымъ доказательствомъ, что и низкаго соспоянія люди могушь бышь оплично благочеспшвы. Внушренно чувствовалъ я совершенную признательность за шо, что женщина шакого свойшва избрала меня къ своей

перепискѣ, шѣмъ болѣе, что шаковые люди въ то время въ сосѣдствѣ нашемъ весьма рѣдки были. Часто желалъ я, чшобы шакого рода переписка между нами болѣе была ободряема и введена въ употребленіе. Я имѣю весьма основательныя причины говорить о дѣйствіяхъ шаковой переписки, какъ надо мною, такъ и надъ другими. Письменныя и изустныя бесѣды съ бѣдными исполненными благочесніа, часшо служили способами къ оживленію собственнаго сердца моего, къ дарованію оному новой силы посреди исполненія обязанностей моихъ, и къ доставленію мнѣ полезнѣйшихъ свѣденій и наставленій, какъ въ разсужденіи поведенія моего вообще, такъ и относительно отправленія званія моего, яко проповѣдника Евангелія.

Коль скоро я прочелъ письмо, шо спросилъ я, кшо оное принесъ?

Мнѣ ошвѣстшвовали, что человекъ, оное принесшій, дожидается за воротами.

Вышедъ, чтообы съ нимъ поговорить, увидѣлъ я почтеннаго спарца, коего длинныя сѣдые волоса и лице все въ морщинахъ вселяли необыкновенное къ нему почитаніе. Онъ споялъ облокопившись на рѣшетку, и слезы текли по ланишамъ его. Когда я подошелъ къ нему, шо поклонясь мнѣ низко, сказалъ онъ:

„М. Г.! Я принесъ вамъ письмо ошъ дочери моей; но опасаюсь, чтообы вы прозьбы нашей не почли дерзостію.“

„Никакъ нѣшъ, ошвѣчалъ я; мнѣ весьма пріятно будете одолжить въ семь случаѣ васъ или кого либо изъ швоего семейства, лишь бы шолько сіе послѣдовало съ полнаго согласія священника вашего прихода.“

„М. Г.! Вчера сказалъ онъ мнѣ, что онъ весьма радъ бы былъ, ешъли бы я могъ ошъискать другаго священника, копорый бы вмѣ-

сно его согласился похоронить бѣдное дитя мое, пошому что онъ живесть въ пяти миляхъ отсюда, и на шось день опозванъ для исполненія духовныхъ пребъ въ другое мѣсто. Я разсказалъ сіе дочери моей, и она пожелала, чтобы я дославиль къ вамъ, М. Г., ось ней письмо, кошорое объяснишь вамъ все обшояшельнѣе.“

Я позвалъ его къ себѣ въ домъ, и спросилъ его:

„Чѣмъ ты занимаешься?“

„Съ давнихъ лѣтъ уже живу я въ маленькой хижинѣ, въ деревнѣ, опстоящей отсюда въ шести миляхъ. Тамъ взялъ я на откупъ нѣсколько десятинъ земли и содержу нѣсколько коровъ: сіе, купно съ поденною моею работою, подало мнѣ средшва содержанъ чи воспитанъ мое семейство.“

„А какъ велико швое семейство?“

„Я имѣю прешарѣлую жену, кошорая работанъ уже не въ силахъ, одного сына и одну дочь; ибо другая бѣдная дочь моя нынѣ оставила сей мѣръ беззаконій.“

„Вѣрояшно для шого, чтобы преселишься въ лучшій.“

„Надѣюсь. Бѣдное дитя сіе не приучилось шествовалъ по шоль благимъ пушамъ, какъ сестра ея; но уповаю, что разговоръ сей послѣдней съ нею на смершномъ ея одрѣ, послужилъ къ спасенію ея души. О, какое счастье имѣшь такую дочь, какъ я имѣю! Никогда не размышлялъ я, сколь важно имѣшь попеченіе о душѣ своей, доколь дочь моя не убѣдила меня употребить все шпараніе, дабы избѣгнушь будущаго гнѣва Господня.“

„Какихъ лѣтъ дѣти швои?“

„Сыну моему шридцать пять лѣтъ, а дочери около шридцати; умершей же было двадцать семь лѣтъ.“

„А который тебѣ годъ?“

„Семдесятъ первый, а жена моя спарѣе меня; мы спарѣемся и почши не въ соспояннѣ болѣе рабошашь; но дочь наша оставила хорошее мѣсто, гдѣ находилась въ услуженіи, именно для того, чшобы имѣшь попеченіе объ насъ и о небольшой молочной нашей. О, сколь дочь сія добра, покорна и усердна!“

„Была ли она всегда шакова?“

„Никакъ нѣшь, М. Г.; въ самой молодости своей предана она была совершенно міру, забавамъ, нарядамъ, увеселительнымъ бесѣдамъ. Правда, что мы всѣ были совершенныя невѣжды, и воображали, что ешьли пріобрѣшаемъ себѣ хлѣбъ честнымъ образомъ, не обижая никого, то съ прекращеніемъ жизни нашей не можемъ миновать Царства Небеснаго. Ооѣ дочери мои бычи легкомысленны, и, шочно шакъ какъ мы, не знали ни пушей Господнихъ, ни благодати обѣщанной. Но спаршая, пошедь въ услуженіе, нѣсколько лѣшь шому назадъ слышала въ церкви проповѣдь говоренную священникомъ, ошправлявшимся въ колоніи. Съ шого самаго времени она совершенно перемѣнилась. Она принялась за чшеніе Библии и сдѣлалась во всѣхъ отношеніяхъ благоразумною и скромною. Въ первый разъ, какъ посѣшила она насъ послѣ сей перемѣны, принесла она намъ гинею, сбереженную ею ошь получаемаго жалованья, и сказала намъ, что какъ мы спарѣемся, то конечно имѣемъ надобность въ пособіи; къ шому присовокупила она, что не хошѣла издержашь шой гинеи, какъ дѣлывала прежде, на наряды, питающіе шолько шщеславіе и суешу, но что предпочитала доказашь шѣмъ свою признательность любезнымъ своимъ родителемъ, и шо, какъ она говорила, именно для шого, что

Хриспось явилъ ей безпредѣльное Свое мило-сердіе.“

„Таковыя ея слова привели насъ въ чрезвычайное удивленіе, и бесѣда съ нею сдѣлалась намъ весьма пріятною; она была столь крош-ка и ласкова, она употребляла всѣ усилія бытъ намъ полезно не токмо въ отношеніи тѣла, но и въ отношеніи души; словомъ, она такъ про-шивъ прежняго перемѣнилась, что при всей без-печности и при всемъ невѣжествѣ нашемъ мы начали вѣрить, что въ Религіи должно бытъ что нибудь существенное, безъ чего не могло бы въ столь короткое время послѣдовашъ столь великой перемѣны.“

„Меньшая сестра ея, сіе жалостное созда-ніе, смѣялась и издѣвалась надъ нею, говоря, что новыя ея правила, вскружили ей голову. Никакъ нѣтъ, сестрица, отвѣчала ей Елисавета, не вскружилась у меня голова; а сердце мое, надѣюсь, обратилось ошъ любви къ порокамъ къ любви къ Богу. Ошъ всего сердца желаю, что-бы ты когда либо познала, такъ какъ я, опас-ность и суешность наспоющаго своего поло-женія.“

„Несчастливая сестра возражала ей: не имѣю я надобности слышашъ твои проповѣди; я не хуже другихъ, и сего для меня довольно. Очень хорошо, сестрица, говорила Елисавета; ешь-ли, ты не хочешъ слышашъ моихъ поученій, то по крайней мѣрѣ не можешъ ты мнѣ воспре-пятствовать молишся за себя, что я и дѣлаю ошъ всего сердца.“

„Теперь, М. Г., надѣюсь я, что молишвы ея услышаны. Ибо когда сестра ея заболѣла, то Елисавета пошла къ Госпожѣ***, дабы опсправ-ляшъ должность сестры и имѣшъ объ ней по-печеніе. Много бесѣдовала она съ нею о ея ду-шѣ; и бѣдная дѣвка сіа казалась столько же

пораженною и пронурою грѣховностію прошедшей ея жизни, сколько и признашельною за нѣжныя объ ней попеченія сестры ея, такъ что Елисавета возимѣла большую надежду въ ея спасеніи. Когда я и жена моя посѣдила больную, то описывала она намъ свое прискорбіе и стыдъ, въ который погружаешься при воспоминаніи о прошедшей своей жизни; но въ то же время говорила она, что по благодати Господней надѣется обрѣсти Искушителя въ Спасителя сестры ея; ибо въ полной мѣрѣ чувствуешь всю грѣховность свою, знаешь свою немощь и увѣрена, что не имѣешь иного средства къ спасенію, какъ обратиться ко Христу, яко единому для нея прибѣжищу.“

„Теперь, М. Г., нѣтъ ее уже болѣе; но я думаю и надѣюсь, что молитвы сестры ея, вознесенныя къ Богу о ея спасеніи, были услышаны. Да услышитъ Господь усердныя о немъ же молитвы бѣдныхъ ея родителей.“

Разговоръ сей послужилъ весьма пріятнымъ объясненіемъ полученнаго мною письма, и возродилъ во мнѣ желаніе исполнить содержащуюся въ ономъ прозбу, и познакомиться съ тою особою, коюрая ко мнѣ писала. И такъ общалъ я доброму старику бытъ къ нимъ въ пятницу въ назначенный часъ. Послѣ краткаго еще разговора о его положеніи при настоящемъ печальномъ произшествіи, онъ отправился въ обратный путь.

Старець сей во всѣхъ отношеніяхъ вселялъ къ себѣ почтеніе; лице его все въ морщинахъ, волосы сѣдые, глаза въ слезахъ, плеча согбенныя, поступь слабая, все давало ему видъ древняго странника; онъ шелъ тихо, упираясь на посохъ, который, казалось, уже немалое число лѣтъ служилъ опорой въ его старости; а сіе и подало мнѣ поводъ къ множеству

разсужденій, о коихъ съ чувствительностію и съ удовольствіемъ воспоминаю.

Въ назначенный часъ прибыль я въ церковь; чрезъ нѣсколько минушь меня позвали и я пошелъ къ вратамъ кладбища, гдѣ встрѣнилъ весьма благоприсойный выносъ. Добрый старикъ съ женою, брашь и сестра, и нѣсколько родствениковъ и друзей составляли провожающихъ шло усопшей. Я удивился привлекашельному, благочестивому и смиренному виду молодой женщины, отъ кошорой я получилъ письмо. На лицѣ ея изображались нѣкопорый родъ важности безъ всякаго пришворства, и большое спокойшвіе душевное, оживошворяемое ревностію къ благочестію.

Во время чшенія молишвъ встрѣшилось обстоятельство, кошорое, по моему мнѣнію, заслуживаетъ того, чтобы объ ономъ упомянуть, поелику оно можетъ шакже служишь доказательствомъ, подобно многимъ другимъ, благошворной цѣли Евангельскаго нашего служенія, и впечатлѣнія, кошорое онымъ произведено бышь можетъ.

Поселянинъ шой же деревни, кошорый до того времени слыль лѣнивцемъ и даже развращнымъ человекомъ, вошелъ въ церковь изъ одного шолько любопытства и безъ всякаго другаго намѣренія, какъ шолько, чтобы видѣшь погребеніе. Въ шаковомъ же расположеніи подошелъ онъ къ могилѣ; но во время чшенія обыкновенныхъ при семъ случаѣ молишвъ, онъ пораженъ былъ нѣкопорыми выраженіями, произведшими въ немъ шоль сильное впечатлѣніе, что онъ совершенно убѣдился въ своей грѣховности и въ опасности, въ кошорой обрѣшался. Впечатлѣніе сіе никогда не изгладилось: напротивъ того оно часъ отъ часу болѣе и болѣе вкоренялось, такъ что онъ явилъ самые удовлетворительные опыты совершеннаго своего обра-

щенія, коему я чрезъ долгое время былъ личнымъ свидѣтелемъ. Онъ воспоминалъ часто о обрядахъ погребенія, а особливо о нѣкоторыхъ чинаемыхъ при томъ молишвахъ, которыя почитались средствами употребленными Богомъ, по безпредѣльной Его благоспи, для обращенія его на путь истины.

И такъ, день сей содѣлался для меня днемъ весьма замѣчательнымъ, котораго я забылъ не могъ. Да обращаю на оный вниманіе шъ, которыя съ удовольствіемъ читаюшъ крашкія и просныя повѣствованія о бѣдныхъ.

Не было ли шущъ въ самомъ дѣлѣ явнаго и счастливаго спеченія обшоятельствъ, привлкшихъ по волѣ Провидѣнія въ одинъ и шощъ же день къ одной и шой же могилѣ мужа спепеннаго и скромнаго съ человѣкомъ развратнымъ? Сколько перьяемъ мы чрезъ шо, что нерадимъ о изслѣдованіи шайныхъ средствъ, употребляемыхъ Богомъ въ Его Премудрости? Средства сіи суть кольца, связующія цѣпь предвѣчныхъ опредѣленій Божіихъ о Искупленіи и Благодаши.

„Пусть нечестивые издѣваются; но мы станемъ поклоняшъся.“

По окончаніи обряда погребенія, я разговаривалъ нѣсколько съ доброю мастишою чешою и съ ихъ дочерью, коея видъ и обращеніе были весьма привлекательны. Я имъ обѣщалъ посѣшшъ ихъ въ ихъ хижинѣ, и съ шого времени имѣлъ я самую корошкую съ ними связь. Да благословимъ Господа Бога нищихъ, и не прешанемъ молишъ Его о томъ, чтобы они содѣлались богатыми въ вѣрѣ, а богатые нищими въ духѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Сладчайшее утѣшеніе объемлетъ часто духъ нашъ, когда приводимъ себѣ на память прежнее обращеніе наше съ друзьями, копорыхъ нѣтъ уже на свѣтѣ: но сколь утѣшеніе сіе усугубляется, когда то были друзья, копорые жили и умерли о Господѣ! Воспоминаніе о произшествіяхъ, случившихся въ сообществѣ съ ними, о разговорахъ съ шѣми, кои, какъ мы надѣемся, наслаждаются нынѣ ненарушимымъ блаженствомъ въ лучшемъ мірѣ, исполняешь сердце пріятною печалію и оживошворяешь душу упованіемъ и предвкушеніемъ шого дня, въ копорый ознаменуешь слава Господня спеченіемъ со всѣхъ концовъ чадъ Его къ вѣчному соединенію. Нѣтъ нужды, были ли они богаты или бѣдны въ мірѣ семъ; важнѣйшая черта ихъ свойствъ состоить въ томъ, что они были цари и священники въ служеніи Богу: и сіе составляетъ истинное ихъ благородство.

Въ числѣ истинно вѣрующихъ, коихъ я лишился и съ коими я нѣкогда охотно разсуждалъ о благодати и о славѣ царствія Божія, почишаю я дочь молочника. Теперь намѣренъ я описать нѣкопорыя подробности, до нея касающіяся, и надѣюсь, что оныя будутъ полезны для нѣкопорыхъ изъ шѣхъ, коимъ я съ удовольствіемъ привожу себя на память, будучи другомъ бѣдныхъ.

Спуская около недѣли послѣ погребенія младшей сестры, я поѣхалъ верхомъ поѣхать помянутое семейство въ его хижинѣ. Дорога шла большею частію сквозь узкія и уединенныя лошинки, покрытыя прекрасными ореховыми и другими рошцами, защищающими

пушешественика опѣ зноя солнечнаго, и представляющими взорамъ его множество предметовъ привлекательныхъ. Тупь песпроша прелестнѣйшихъ цвѣтовъ и благоуханіе деревцовъ и кушарниковъ, распушихъ по крупицамъ на обѣихъ сторонахъ дороги, возбуждаютъ его удивленіе. Тамъ по мѣстамъ чудесныя скалы, иссочающія ручейки воды сребристой, перемѣняющія мѣстоположеніе и образуя видъ новый, живописный и пріятный, приводятъ зрителя въ восхищеніе.

Индѣ сквозь просѣки или на равнинахъ, встрѣчающихся по дорогѣ, видны въ дали предметы еще привлекательнѣйшіе: высокіе морскіе берега, знаки для мореплавателей выпавленные, маяки на прекраснѣйшихъ обелискахъ, богатые по пучки поля; а тамъ, гдѣ дорога возвышается, видно море и плавающіе по оному корабли. Вообще однако же встрѣчаешься по сей дорогѣ много шѣни, и проспья красоты, въ ограниченномъ пространствѣ видимыя, оплещаютъ сіе уединеніе и привлекаютъ путешественника къ созерцанію.

Сколько теряютъ шѣ, которые не привыкли размышлять со вниманіемъ о чудесахъ и красотахъ природы! Съ какимъ блескомъ сіяетъ слава Создателя въ Его швореніяхъ! Нишъ ни дерева, ни лиспочка, ни цвѣпка, ни пшцы, ни насѣкомаго, которое бы не вѣцало громогласно на своемъ нарѣчїи: „Богъ меня сотворилъ.“

Приближаясь къ деревнѣ, въ которой жилъ добрый старый молочникъ, я увидѣлъ его на небольшомъ полѣ, погоняющаго нѣсколько коровъ ко двору и къ хлѣву, примыкающему къ его хижинѣ. Я подѣхалъ къ нему весьма близко, и онъ меня не замѣнилъ по причинѣ слабости его зрѣнія. Я позвалъ его по имени; услыша

голосъ мой, онъ оборотился ко мнѣ, и съ радостію, изображенною на лицѣ, привѣтствовалъ меня сими словами: „Да благословишь васъ Господь, М. Г.; я весьма радъ вашему пріѣзду; мы васъ въ теченіе нынѣшней недѣли ежедневно ожидали.“

Двери хижины отворились, и изъ оной вышла дочь съ пресмарилою дряхлою своею матерью. Прибытіе мое весьма естественнаго привело имъ на память могилу, у козоторой мы въ первый разъ встрѣтились.

Слезы умиленія смѣшались съ улыбкою того удовольствія, съ каковымъ меня приняли сіи добрые поселяне. Я сошелъ съ лошади, и они меня повели къ дому; чрезъ маленькій весьма опрятный садикъ, коего часть осѣняема была двумя большими орѣховыми деревьями. Благоприличіе и чистота замѣтны были какъ внѣ, такъ и внутри хижины. Тамъ не было причины извиняться ни въ бѣдности, ни въ безпорядкѣ, ни въ нечистотѣ расположенія ихъ маленькаго хозяйства: Все имѣло шамъ видъ устройства и опрятности. По каждую сторону каминна стояли шарья дубовыя кресла, въ коихъ добрый отецъ и почтенная мать отдыхали послѣ дневныхъ трудовъ. На столѣ въ углу лежали двѣ Библии и нѣсколько молитвенниковъ и духовныхъ сочиненій. Въ небольшой комнатѣ ихъ было два окна; изъ одного видно было прекраснѣйшее мѣстоположеніе, возвышающіеся холмики, рожицы и поля; другое болѣе нежели на половину прикрыто было вѣтвями насажденнаго вокругъ виноградника; но лучи солнечныя, проникая сквозь листіе, распространяли по всей комнатѣ пріятнѣйшій свѣтъ.

Вошъ здѣсь, сказалъ я самъ про себя; жилище благочестія, мира и удовольствія. Подаждь Господи, члѣбъ при благословеніи не-

бесномъ получилъ я новое во всемъ помъ на-
сшавленіе при нынѣшнемъ моемъ посѣщеніи.

„Не заслужили мы, сказала мнѣ дочь, посѣ-
щенія вашего, Милоспивый Государь; шѣмъ бо-
лѣе однако же обязаны мы вамъ благодарносшію
за шо, что вы изъ далека къ намъ пріѣхали.“

„Учишель мой, ошвѣпшвоваль я, пришель
изъ странъ гораздо ошдаленнѣйшихъ, чшобы по-
сѣшитъ насъ, бѣдныхъ грѣшниковъ. Онъ оспа-
вилъ лоно Опца, покинулъ собспвенную Свою
славу и сошелъ на сей свѣшъ, дабы посѣшитъ
насъ въ милосердіи и любви; и шакъ, ешшли
мы приняли на себя обязанность послѣдовашъ
Ему, шо не должны ли мы другъ друга шягошны
носишъ, и подобно Ему, ишши повсюду чинишъ
добро?“

Между шѣмъ вошелъ добрый спарець и
обще съ женою и съ дочерью своею усиливался
сдѣлатъ мнѣ ишпинно сердечное привѣшпствіе.
Разговоръ нашъ вскорѣ обрашлся на потерю
недавно ими прешерпѣнную; благочесшіе и чув-
ствишельность дочери обнаружилась ошличнѣй-
шимъ образомъ во всемъ шомъ, чшо она гово-
рила, какъ родишелямъ своимъ, шакъ и мнѣ. Я
удивился уму и пріашности, съ кошорыми она
выражала преданность свою Богу и любовь ко
Иисусу Христу за безпредѣльное милосердіе, на
нее изліянное. Во время пребыванія ея въ по-
рядочныхъ домахъ, гдѣ находилась въ услуженіи,
пріобрѣла она видъ и ловкосшъ свыше прешо-
народнаго; но по искреннему благочесшію со-
хранила она въ обрашеніи и разговорахъ чрез-
вычайную скромность и почшишельность. Я
замѣшилъ, чшо она желала воспользовашься
моимъ посѣщеніемъ, дабы обрашитъ оное во
благо не шолько себѣ самой, но и родишелямъ
своимъ; однако же не обнарушила она ни несо-
вмѣсшнаго усилія, ни же важности или надмѣя-

ности. Съ твердостію и ревностію Христіанскою соединяла она скромность женщины и покорность дочери приличныя. Невозможно было бесѣдовать съ нею, не замѣшивъ, сколь великую честь приносили на самомъ дѣлѣ нравъ и обращеніе ея Евангельскому ученію, ея исповѣдуемому.

Вскорѣ обнаружилъ я, съ какою горячностію и съ какимъ успѣхомъ она употребила всѣ усилія, дабы довести отца своего и мать свою къ познанію истины и къ исполненію ея законовъ. Вотъ случай, чрезвычайно лестный для младаго Христіанина. Если бы Богу, при раздачѣ даровъ Своихъ, угодно было, призвать къ Себѣ Благодашію Своею чадо, въ то самое время, когда родители оставались погруженными въ невѣжество и въ грѣхахъ, то сколь велика обязанность чада сего употребить всѣ силы къ обращенію шѣхъ, коимъ оно обязано жизни? Какое счастье, когда узы благодати освящаютъ узы природы!

Ясно видно было, что добрые старики сіи взирали на дочь свою и говорили объ ней какъ о учительницѣ, наставляющей ихъ во всемъ божественномъ и руководящей ихъ на путь къ спасенію; когда въ то же время съ другой стороны дочь всѣми мѣрами изъясляла имъ свою почтительность и повиновеніе, и доказывала сіе безпрестанными усиліями прислуживать и помогать имъ во всей возможности даже въ самыхъ мѣлочныхъ подробностяхъ домашняго хозяйства.

Въ самомъ дѣлѣ, Религія въ сей молодой женщинѣ имѣла столь оплотившую черту духовности, что она достигла въ ней до необыкновенной степени возвышенія. Понятія ея о пушяхъ, начертанныхъ Богомъ къ спасенію грѣшниковъ, были ясны и сообразны Священному

Писанію. Она говорила много о радости и о печали, которыя испытала въ продолженіе того времени, какъ старалась преусиивать въ Религіи; но она въ полной мѣрѣ убѣждена была въ то, что къ достиженію истинной Религіи, потребно гораздо болѣе, нежели простой, случайный переходъ изъ одного состоянія души и духа въ другое. Событвеннымъ опытомъ дознала она, что сердечное общеніе съ Богомъ состоитъ преимущественно въ томъ, чтобы основывать жизнь свою на вѣрѣ во Іисуса Христа, и стараться жить, такъ какъ Онъ, въ любви. Она знала, что сколько любовь Божія къ грѣшникамъ, столько и предначертанный имъ въ обязанность путь, суть непреложны. Вѣруя и уповая въ Бога, и шествуя съ полною преданностію по означенному пути, она искала и обрѣла *миръ Божій превосходяй всякъ умъ*. Ибо тако даешь Онъ *возлюбленнымъ своимъ* покой.

Кромѣ Библии читала она немного, но превосходныхъ въ своемъ родѣ, книгъ, и говорила о ихъ содержаніи съ чувствомъ, доказывающимъ, что она знаетъ цѣну оныхъ.

Я замѣшилъ на лицѣ ея блѣдность и томность, которыя въ послѣдствіи призналъ я предвѣстниками сухотки; а потому и заключилъ, что жизнь ея не будетъ продолжительна. Въ самомъ дѣлѣ, Богу угодно было воззвать ее къ Себѣ, спустя полтора года послѣ перваго нашего свиданія.

Быстро текло время въ бесѣдѣ съ симъ небольшимъ почтеннымъ семействомъ. Раздѣливъ съ нимъ простую и здоровую закуску, и проведя нѣсколько часовъ въ пріятнѣйшихъ разговорахъ, настало время, что мнѣ должно было возвратиться домой. Освойствахъ и расположеніи каждаго лица порознь, можно нѣкоторымъ образомъ судить по выраженіямъ, употребленнымъ имъ при прощаніи со мною.

„Да сопроводишь васъ Богъ обратно въ добромъ здоровьѣ,“ сказала добрая старая мать, „и да благословенъ будешьъ день, приведшій васъ сюда для посѣщенія двухъ шакихъ бѣдныхъ старыхъ шварей, какъ мы, по среди смущенія и печали нашей. Пріѣзжайте оняшь, М. Г., пріѣзжайте когда шолько вамъ возможно будешьъ; и хопя я шолько бѣдная невѣжда и не въ состояніи бесѣдовашъ съ такимъ Господиномъ какъ вы, однако же любезная дочь моя будешьъ за меня говорить. Она доспавляетъ мнѣ самое большое ушѣшеніе, и я надѣюсь, что милосердый Богъ сохранитъ мнѣ ее для поддержанія дрожащихъ членовъ моихъ и слабаго духа моего, доколь соединюсь съ другою любезною дочерью моею въ могиль.“

„Возлагай свое упованіе на Господа,“ ошвѣтшвовала я, „и вспомани милосердое его обѣшваніе: *Азъ есмь, и дондеже состарѣтешя, азъ есмь, азъ перелю вамъ, азъ сотворишъ, и азъ понесу, азъ подиму, и спасу вы.*“

„Благодарю васъ, М. Г.“, сказала дочь, „за истинно Христіанское снисхожденіе ваше къ любезнымъ моимъ родителамъ и ко мнѣ. Я уповаю, что ваше посѣщеніе сопровождено благословеніемъ Господнимъ и мнѣ кажешя, что я оно уже возчувшвовала. Увѣрена я, что любезные мои родители съ радостію вспоминашъ будешьъ о счасіи, которе имѣли, видѣшъ въ своей хижинѣ почшеннаго Проповѣдника Евангелія, каковою милоспію мы предъ симъ никогда не наслаждались. Спаситель мой явилъ мнѣ безпредѣльное милосердіе Свое, испоргнувъ меня яко горящую головню изъ пламени и указавъ мнѣ пушъ живопи и мира. Живѣйшее желаніе сердца моего состоитъ въ томъ, что-бы жишъ во славу Его; но съ неперпвнѣмъ

желала бы также видѣть, чтобы и сіи любезные родители возчувствовали силу Религіи и усладительныя ея дѣйствія.“

„Очевидно кажешся мнѣ“, возразилъ я, „что надъ ними исполнилось обѣщаніе: и при ветрѣ будетъ свѣтъ.“

„Думаю такъ,“ сказала она, „и благодарю Бога за счастливую надежду, которую вы мнѣ преподаете.“

„Благодари Его также за то, что Онъ избралъ тебя счастливимъ орудіемъ, указавшимъ имъ свѣтъ.“

„Я то и дѣлаю, М. Г.; но когда размышляю о недостоинствѣ моемъ и о слабости моей, то радость моя сопровождается пренебреженіемъ.“

„М. Г.,“ сказалъ добрый старикъ, „я увѣренъ, что Господь вознаградитъ васъ за сей опытъ вашей снисходительности. Молишесь за насъ, дабы Богъ при старости нашей и при всей грѣховности, въ коей мы предъ симъ утонули, обратилъ на насъ милосердіе Свое въ единонадесятый часъ. Бѣдная Лиза наша шрудится и печется не токмо о шѣлѣ нашемъ, но и о душѣ нашей: цѣлый день проводитъ она въ работѣ, дабы щадитъ насъ, и я опасаюсь, что силъ ея недостанетъ для пренесенія всѣхъ шрудовъ, ея на себя пріемлемыхъ; послѣ шрудовъ бесѣдуешь она съ нами, чиняетъ намъ въ слухъ и молишся о спасеніи нашемъ отъ грядущаго гнѣва. По испиннѣ, М. Г., дитя сіе для насъ безцѣнно.“

„Миръ Божій да будетъ со всѣми вами.“

„Аминь!“ сказали всѣ въ одинъ голосъ; „благодаримъ васъ, М. Г.“

Такимъ образомъ проснился я на шопъ разъ съ симъ семействомъ. На обратномъ пути размышленія мои были утѣшительны и, надѣюсь, полезны для души моей. Въ послѣдствіи време-

ни посѣщаль я еще нѣсколько разъ сію хижиу, сіе обиталище мира; и каждый разъ имѣль я новыя причины благодарить Бога за пазидашельныя бесѣды, коими я шамъ наслаждался.

Здоровье дѣвушки очевидно болѣе и болѣе разспривалось; но по мѣрѣ приближенія ея кончины усиливался блескъ опличныхъ ея свойствъ, ея поведенія и ея познаній о милосердіи Господнемъ. Съ удовольствіемъ списываю яздѣсь еще одно ея письмо, полученное мною спустя около года послѣ описаннаго мною свиданія и въ шакое время, когда нѣкошорыя обспоятельствва въ продолженіе довольно долгаго времени воспретяпспивовали мнѣ посѣшить сіе семейство. Подлинникъ, съ коего списываю сію копию, живо возобновляетъ въ умѣ моемъ изображеніе шой особы, кошорая оный писала, равно какъ и многіе полезныя и занимательныя разговоры, кошорые я имѣль нѣкогда съ нею и съ ея родителями. Письмо сіе содѣлываетъ мнѣ сельское благочестіе еще драгоцѣннѣйшимъ и преподаетъ по обіе предвкушатъ наслажденія шого дня, въ кошорый души свяшыхъ препрославленныхъ соединяшся паки съ ихъ шѣлами для вѣчнаго пребыванія со Господемъ.

Елисавета конечно не мыслила о томъ, чшобы письмо сіе когда-либо издано было въ свѣшъ; но я полагаю, что оно, будучи образцемъ пламеннаго благочестія и живѣйшей вѣры, обнаружившихся въ особѣ ея состоянія, понравившя друзьямъ убогихъ, но благочестивыхъ людей.

Милостивый Государь!

Въ слѣдствіе даннаго мнѣ отъ васъ позволенія посылаю къ вамъ еще одно письмо, шакже дурно написанное. Я надѣюсь, что вы слишкомъ одарены духомъ крошоспи, смиренія и шерпѣливоспи Божеспвеннаго вашего Учите.

ля, чтобы оскорбился смѣлостію, приемлемою бѣдною, просною и необученною шварію, коея намѣренія однако же чисты, и которая во всемъ, что пишешь, наблюдаешь полную откровенность. Желаніе мое состоишь въ томъ, чтобы я, будучи только браннымъ орудіемъ Его славы, могла прославлять Его Имя, за Его ко мнѣ милосердіе. Да удостоишь Господь руководствовашь мною Своимъ совѣтомъ и Своею премудростію, да примешь меня подъ Своею кровью, дабы я могла обрѣсти мѣсто подъ хоругвію Его любви, и да будушь утѣшенія Духа Его Свяшаго услажденіемъ и прохладою для души моей.

Когда чувствую, что я ничто, и что Богъ есть всяческая во всѣхъ, тогда говою я лещѣ къ Нему и воскликнушь: „Господи, будь моимъ помощникомъ, Господи, научи меня; будь мнѣ Пророкомъ, Священникомъ и Царемъ! Благослови Твоя да наставишь меня; отверзи мнѣ шайны любви Твоея.“ Сколь легкой доступъ могли бы мы имѣть, если бы сблизились къ Богу! Какое сладостное общеніе имѣли бы мы съ Богомъ любви! Онъ-то есть Великій Иегова! Какое преславное Имя! Не иначе какъ съ претцемъ поклоняющся Ему Ангелы; съ смиренною любовію они Ему воздають честь и Ему служащъ! Нѣкто сказалъ:

Когда первый Архангелъ воспѣваетъ хвалу Богу, то укрываетъ онъ себѣ лице крылами.

При всемъ недостойнствѣ моемъ испышала я, что чѣмъ болѣе познаю я величіе и благосль Божію, и чѣмъ искреннѣе становишся союзъ, который, кажешся мнѣ, имѣла я съ Нимъ, посредствомъ Духа Его любви, шѣмъ болѣе становлюсь я смиренною и преданною Его волю.

Ежедневно однако же могу я сказать: „Господи, сколь мало еще люблю я Тебя! въ какомъ

опдаленіи живу опъ Тебя! сколь мало уподобляюсь я Тебѣ въ смиреніи! При всемъ шомъ опъ всего сердца желаю любить Тебя и служить Тебѣ сколь можно лучше.“ Я замѣчаю, что Богъ изливаетъ на меня благословеніе Свое преимущественно въ то время, когда нахожусь при опправленіи Божественной службы. Сими путемъ вліяешь Онъ въ душу мою драгоценныя сокровища Его благодати и Его любви. Въ самомъ дѣлѣ, часто чувствовала я, что именно въ то время присутствіе Божіе меня оживляетъ и укрѣпляетъ. Тогда получаю я надежду быть нѣкогда участницею въ завѣщъ Его любви, и воспѣвать хвалебныя гимны за Его милосердіе къ недоспойнѣйшей изъ грѣшницъ.

Искренно желаю утвердиться болѣе и болѣе въ пушихъ Господнихъ и воздавать Ему почтеніе исполненіемъ обязанности моей, доколь наслаждаюсь благосшію Его. Посреди всѣхъ наружныхъ горестей умоляю Его вселить въ душу мою познаніе о Иисусѣ Христѣ и о силѣ Его Воскресенія. Если бы мы всегда шакимъ были, то бы наслаждались радосшію неувядаемою; воля моя сліялась бы пріятнѣйшимъ образомъ съ волею Божіею; я бы чувствовала совершенную преданность ко всему ниспосылаемому на меня Промысломъ и Благодатию Его, и воскликнула бы: „воля Господня есть благая; премудрость безконечная не можетъ быть въ заблужденіи.“ Тогда шерцѣніе было бы въ полномъ и совершенномъ дѣйствіи.

Но, увы! грѣхъ и нешвердосшь вѣры часто, весьма часто прерываютъ шакое расположеніе души моей; тогда печаль меня угнѣтаетъ, и я въ слезахъ повергаюсь предъ Богомъ. Часто помышляю я о томъ, какое бы то счастье было, если бы любовь Его шоль сильно утвердилась въ сердцѣ моемъ, что я бы могла пови-

новашься Ему съ рвеніемъ и съ радостію, и укроощашь любимыя спраси мои, упрямыя, гнѣвъ и гордость. Сіе однако же можешь произойши шолько, посредствомъ дѣйствія благодати, ошъ швердаго упованія, что мы омыны драгоцѣнною кровію, очищающею ошъ всякаго грѣха, и что мы содѣлались новыми шварями во Христѣ. О! да дашь Богъ, чшобы мы могли бышь счастливыми свидѣтелями силы и могущества спасительной воды, истекающей изъ источника вѣчной любви!

М. Г. Вѣра моя бываеть часшо крайне слаба; сдѣлайте милость, преподайте мнѣ напавленіе, какія средства признаете вы къ ея укрѣпленію дѣйствительнѣйшими. Часшо помышляю я о шомъ, что ничего не можешь бышь яснѣе словъ Спасительныхъ: *дерзай, дщи, вѣра твоя спасе тя.*

О! сколь сильно желала бы я, чшобы мы могли усронить всѣ шѣ горы, которыя скрываютъ и заслоняють ошъ насъ свѣтъ Его Благодати, такъ, чшобы имѣя свободный доступъ къ Богу посредствомъ Духа Его Божественнаго, мы могли со всею опкровенностію бесѣдовать съ Нимъ, яко съ драгоцѣннѣйшимъ другомъ. Какую милость даруеть Богъ шоль недосшойнымъ шварямъ, каковы мы! А при всемъ шомъ мы любимъ ропсашь и жаловашься. Вмѣсто того могъ бы онъ сказать: что надлежало мнѣ сдѣлать болѣе того, что мною уже сдѣлано? Или жс: въ чемъ нарушилъ я свое обѣщаніе? Когда преславаль я оказывашь нѣжность дѣшямъ вѣроломнымъ и непокорнымъ?

М. Г. Я молю Бога о дарованіи мнѣ силъ, дабы не гнѣвилъ Его болѣе, какъ предъ симъ я дѣлала. Въ семъ опношеніи имѣю я надобность въ вашемъ совѣшѣ и въ вашихъ за меня молишѣ

вахъ. Какое доставляетъ то утѣшеніе чело-
вѣку, когда видишь особу истинно любящую
Бога и носящую на себѣ образъ и подобіе Его!

Но сколь ни пріятно бесѣдовать на земли
съ истинно вѣрующими, возносящими сердца
свои въ горняя, сіе естъ однако же ничто въ
сравненіи того счастливаго дня, въ который
мы приняты будемъ въ Царство вѣчной славы,
гдѣ можемъ навсегда созерцать Бога любви, въ
лицѣ Сына Его, Который естъ живой образъ
Отца и величіе Его славы: — гдѣ, естли при-
знаны будемъ истинными Христіанами, встрѣ-
чены будемъ ликомъ Ангеловъ, окружающихъ
Пресполь Его.

Между шѣмъ, М. Г., да возмогу я нести
крестъ, на меня наложенный и сражаться му-
жественно подъ знаменіемъ Того, Который вмѣ-
сто славы, Его ожидавшей, претерпѣлъ муку
распятія, перенесъ поруганія, и днесъ сидишь
одесную Отца, въ блескъ Его величія.

Примише, М. Г., благодарность мою за
данное мнѣ позволеніе къ вамъ писать. Я чув-
ствую, что здоровье мое часъ опъ часу болѣе
разспроивается; а посреди слабости и мученій
нахожу я облегченіе въ сообщеніи вамъ мыслей
моихъ.

Лицу себя надеждою, М. Г., что вы про-
должаете шествовать по пути, вами себѣ пред-
начертанному, радуясь имѣшь въ удѣль обязан-
ность возсылать благодаренія Тому, опъ Коего
испекають всѣ дары совершенные, какъ духов-
ные, такъ и свѣтскіе, и который ниспосылаетъ
благословеніе Свое на васъ и на труды ваши.
Не сомнѣваюсь я въ томъ, что вы часно нахо-
дишесь въ непріятныхъ обстоятельствахъ; но
при благословеніи Божіемъ обращая оны всѣ
наконецъ въ существенную пользу. Непріятно-
сти, по особенному дѣйствію Благодати, нис-

посылаюся именно для того, чтобы содѣлать насъ смиренными и содержать насъ въ смиреніи. Я надѣюсь, что и въ зашрудненіи, о которыхъ вы за нѣсколько времени предъ симъ со мною говорили, прекращаюся.

Бапюшка и машушка мои находяюся, по обыкновенію, въ совершенномъ здоровьи: я льщу себя надеждою, что они возрастаюшъ въ благодати, и преуспѣваюшъ въ познаніи и любви Иисуса Христа. Для нихъ только желала бы я еще жишь. Съ тѣхъ поръ, какъ мы не имѣли счастья васъ видѣшь, время проходишь у насъ весьма медленно. Я уже спыжусь и просишь васъ, чтобы вы навѣспили насъ бѣдныхъ въ нашей хижинкѣ. Но еспли вы къ намъ пожаловашъ не можете, по крайне насъ обрадуешъ, когда удоспоише насъ вашимъ опвѣномъ. Я должна извинишь предъ вами, что ошправляю къ вамъ письмо столь неправильно писанное. Въ молодости моей я иренебрегала сіе; я много предавалась чпенію, но о правописаніи ни мало не забошилась; а шеперь я слишкомъ слаба и немощна, чтобы многому учишься.

Я иногда слышу, что въ вашемъ приходѣ еспь люди, которые обращаюся. Сіе меня чрезвычайно радуешъ, и еспли эшо справедливо, то я увѣрена, что и вы тѣмъ восхищаетесь. Съ большимъ нешерпѣніемъ желала бы я дождашься того времени, когда чистое Евангеліе Иисуса Христа проповѣдываемо будешъ во всѣхъ церквахъ свѣша, и когда всѣ люди познаюшъ, возлюбяшь и убоаясь Господа. Тогда, соединясь посредствомъ Духа Божія, всѣ люди соспавяшь едино сердце и едину душу во Христа Господѣ нашемъ. Я знаю, что самое большое удовольствіе ваше соспояшь будешъ въ томъ, чтобы постоянно шрудишься во славу Божию и для спасенія душъ. Вы служите добро-

му Господину и увѣрены, что мзды своея не погубише. Молю Бога, чтобы даровалъ вамъ всю пошребную вамъ силу.

Прошу васъ, М. Г., не оскорбисья моею смѣлостію и образомъ моего письма. Любезные родишеди мои свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе и признательность.

Ваша покорнѣйшая во Христѣ
Елисавета В.

Письмо сіе есть истинная карпина ея души. Да будетъ оно чitano съ духомъ Христіанскимъ, и да посвятишся умилительному воспоминанію!

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Путешественники, проѣзжая какую либо страну, осматриваясь обыкновенно, дабы осведомиться, кому принадлежатъ великолѣпныя жилища, которыя они находятъ посреди лѣсовъ и на окружающихъ ихъ равнинахъ. Знашность породы, великоименность, богатство и званіе различныхъ владѣтелей преимущественно обращаютъ на себя вниманіе. Иногда показываютъ любопытствующему чужестранцу и внутренность ихъ жилищъ. Прекрасныя комнаты, богатые уборы, дорогія карпины, прелестныя сады, пріятныя рожицы раждаютъ общее удивленіе, между тѣмъ какъ чинъ, состояніе, вкусъ и сокровища владѣтеля подають поводъ ко многимъ занимательнымъ разсужденіямъ. Въ тоже время проѣзжаютъ мимо скромной хижины бѣднаго земледѣльца, едва удостоивая оную и взгляда. Случисься можешь однако же, что хижина сія содержитъ въ себѣ гораздо драгоцѣннѣйшее сокровище, нежели пышный дворецъ богача, а можешь быть и *многоцѣненъ бисеръ*. Если бисеръ сей вѣдрился въ сердце

бѣднаго поселенина, но тогда содѣлываешься онъ уже камнемъ цѣны неизбѣжной, который блисташь будешь между драгоцѣннѣйшими камнями на вѣщи Искупителя, въ пошъ день, въ кошорый Онъ ошвсюду соберешь бисерь Свой.

По сему Христианскій путешественникъ, поздавая вмѣстѣ съ другими должную похвалу украшеніямъ богача, и показывая, что онъ не равнодушенъ къ красотамъ и великолѣпію, кошорые суть законный удѣлъ знаиности и богатства, не погнушаешься посѣишишь скромное жилище бѣднаго. Если подь соломенною кровлею найдешь шу благодашь, то истинное благочестіе, котораго тщешно искалъ среди мірскаго величія богача, то вспомнишь слова Господни и съ удивленіемъ узришь, что *Топъ, иже живетъ въ высокихъ во вѣкъ, Святыи во святыхъ, имя Ему Вышній, во святыхъ логиваяи, и малодушнымъ даяи долгоперлѣніе, и даяи живопъ сокрушеннымъ сердцемъ; (Исаи LVII. 15)* и хопя небо есть престоль Его, а земля подножіе ногъ Его, но когда рѣчь идетъ о созиданіи Ему жилища, когда надлежишь искашь мѣста спокойствія для Него самаго, то речешь Онъ: *на кого воззрю, покло на кропкаго и молталиваго, и прелещущаго словесъ моихъ.* Когда какой-либо домъ такимъ образомъ заняшь, то вѣра созерцаешь на стѣнахъ онаго надпись: „Се есть жилище Господне.“ Вѣрующій не можешь преиши мимо, не замѣивъ онаго; напрошивъ того, онъ спѣишишь подняшь защолку, входишь, садишся и бесѣдуешь съ бѣднымъ, можешь спашься, презрѣннымъ живелемъ. Такимъ образомъ вѣрующій во время поѣздокъ своихъ спараешся насладишься пріятными разговорами, каковыхъ и я имѣлъ нѣсколько подь скромною крышею Молочника и небольшого его семейства.

Вскорѣ замѣшилъ я, что разстройство здоровья его дочери быстро приближало ее къ концу. Блѣдная и снѣдающая чахотка, сіе орудіе употребляемое Богомъ для ежегоднаго преселенія тысячей существъ изъ числа живыхъ въ вѣчность, большими шагами подѣкала весь составъ ея шѣла. Впалые глаза, сухой и часто возобновляющій кашель и обманчивый на щекахъ румянецъ были предвѣстниками смерти.

Нерѣдко помышлялъ я о томъ, сколь обширное ошверзшо для Священниковъ и друзей Христіанскихъ поле къ полезнымъ и усерднымъ со стороны ихъ попеченіямъ во время часто встрѣчаемыхъ припадковъ и медленнаго хода чахотки. Сколько перяется ежедневно драгоценныхъ случаевъ, гдѣ Провидѣніе кажется съ умысломъ даетъ потребное время къ важнымъ наставленіямъ въ Религіи. О многихъ можно сказать: *и лупи мирнаго не познаша*; ибо не нашелся другъ, который бы пришелъ къ нимъ и увѣщевалъ ихъ убѣгалъ гнѣва грядущаго.

Но дочь Молочника имѣла къ счастію познаніе о всемъ, къ вѣчному ея блаженству относящемся, прежде нежели болѣзнь въ ней укоренилась. Во время посѣщеній, мною ей дѣлаемыхъ, скорѣе можно бы было сказать, что я получаю наставленія, нежели то, что я даю уроки. Духъ ея обильно снабдѣнъ былъ Божественными истинами, и бесѣдованіе съ нею было истинно назидательно: воспоминаніе о сихъ бесѣдахъ сохраняю я въ сердцѣ моемъ съ чувствительною признательностію.

Однажды получилъ я отъ нее слѣдующую записку:

Милостивый Государь!

Весьма бы я рада была, если бы занятія ваши позволили вамъ посѣщать блѣдную неде-

стойную грѣшницу. Жизнь моя приближается къ концу; но я надѣюсь, что я узрю Христа милосердствующаго о душѣ моей. Бесѣдованіе съ вами было для меня часно полезно; а теперь, болѣе нежели когда либо, имѣю я въ ономъ надобность. Башюшка и машюшка свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе.

Ваша покорнѣйшая и недостойная служница
Елисавета В.

Въ тотъ же день по полудни исполнилъ я сіе требованіе. По прибытіи моемъ къ жилищю мочючника, жена его ошворнула мнѣ двери. Слезы текли по ланитамъ ея и она въ молчаніи кивала головою. Сердце ей было удручено. Она усиливалась говорить, но не могла. Я взялъ ее за руку и сказалъ ей:

„Другъ мой! все хорошо, что премудрость Господня и его милосердіе устраивающъ.“

„Ахъ! М. Г., моя дорогая Лиза, моя любезная дочь такъ больна: что я безъ нее дѣлать буду? Я думала, что первая пойду во гробъ, но....“

„Но Господь призналъ за благо, чтобы прежде нежели ты сама умрешь, ты бы увидѣла дочь свою спасенною въ обилии вѣчной славы. Не милосердіе ли по Божіе?“

„Ахъ! М. Г. я весьма стара и чрезвычайно слаба, а она, сіе дражайшее мое дитя, есть жезлъ мой и подпора моя въ моей старости, бѣдности и дряхлости.“

Идучи впередъ, увидѣлъ я Елисавету, сидящую у огня въ креслахъ; голова ея лежала на подушкахъ и на лицѣ ея видны были всѣ признаки крайняго расслабленія и приближающейся смерти. Мнѣ казалось, что она болѣе трехъ недѣль прожить не можетъ. Пріятная дружественная улыбка, изображающая ея удовольствіе, одушевила ея лице, когда она мнѣ сказала:

„Въ самомъ дѣлѣ вы весьма снисходительны, М. Г., что пожаловали такъ скоро послѣ“

послѣ моего приглашенія. Вы находите меня слабѣею день ото дня болѣе, и мнѣ не долго уже остаеиця пребыть въ сей юдоли. Тѣло мое и сердце мое приходятъ въ крайнее изнеможеніе; но Богъ есть сила сердца моего, и я надѣюсь, что Онъ будетъ удѣломъ моимъ на всегда.

Слѣдующій разговоръ былъ по временамъ прерываемъ кашлемъ ея и одышкою. Голосъ ея, хотя и слабый, былъ выразителенъ; видъ ея былъ шепенный и задумчивый, а глаза ея, хотя болѣе обыкновеннаго шомны, имѣли во время разговоровъ всю ту живость, какую шолько ожидать можно было. Въ прежнія уже времена удивлялся я часто преизяществу, съ каковымъ она изъясняла свои мысли, и образу, съ Священнымъ Писаніемъ согласному, какимъ общала свои мнѣнія. Она одарена была ошъ природы превосходнымъ здравымъ разсудкомъ: а благодать, какъ шо обыкновенно случается, чрезвычайно усовершила оный. Въ насшоащемъ случаѣ не могъ я удержаться ошъ мысли, что она удостоена особеннаго милосердія свыше. Вся сила благодати и природы казалась бышъ въ дѣйствіи.

Сѣвъ между дочерью и машерью (сія послѣдняя, во время разговора нашего, устремила нѣжные и шоски преисполненные взоры на дитя свое), я сказала Елисаветъ:

„Я надѣюсь, что ты наслаждаешься чувствованіемъ присушства Божія, и что ты совершенно полагаешься можешь на Того, Который былъ съ тобою, Который сохранилъ тебя во всѣхъ шѣхъ мѣсцахъ, гдѣ ты была, и Который приведетъ тебя въ страну чистыхъ наслажденій, гдѣ царствуютъ безсмертныя святыя.“

„Кажешя могу, М. Г. Духъ мой нѣсколько времени тому назадъ объяшъ былъ мглою: но

причину того, могу, думаю, приписать, часнію большой моей слабости и чрезвычайнымъ шведскимъ спраданіямъ мною прешериваемымъ, а часнію врагу моему, злему духу, который меня увѣришь хочешь, что Иисусъ Христовъ не исполненъ любви ко мнѣ, и что я находилась въ заблужденіи.“

„Предаешься ли ты его навещеніямъ? Можешь ли ты осматриваться въ сомнѣніи послѣ толликихъ опытовъ явленнаго и являемаго тебѣ милосердія?“

„Никакъ нѣтъ, М. Г.; я почти совершенно въ силахъ сохранишь ясное чувствованіе Его любви. Не хочу къ прочимъ грѣхамъ моимъ присовокуплять еще и того, чтобы отрицать явную благость Его въ отношеніи къ душѣ моей; напрошивъ того, я готова за то хвалить и славословить Его.“

„Каковымъ признаешь ты теперь по сопоянію, въ которомъ ты находилась прежде нежели призвалъ Онъ тебя Своею благодатию?“

„М. Г. Я была твореніе гордое и легкомысленное, спрашно любила наряды и убранства; привязана была къ міру и ко всему мірскому. Находясь въ услуженіи у людей свѣтскихъ, я никогда не имѣла счастья жить въ такомъ семействѣ, которое бы почиало обязанностію своею быть при отправленіи Божественной службы, и гдѣ бы хозяинъ и хозяйка хотя малѣйше заботились о душахъ служившей своей. Иногда ходила я по воскресеньямъ въ церковь, но болѣе для того, чтобы видѣть другихъ и показанъ себя, нежели чтобы молиться и слышать Слово Божіе. Я думала, что я уже довольно добра, чтобы быть спасенною: я имѣла обращеніе ко всемъ духовнымъ особамъ и часто издѣвалась надъ ними. Я была въ боль-

шомъ заимѣній, не имѣла ни малѣйшаго понятія о пути къ спасенію, никогда не молилась Богу и не вѣдала смертной опасности, кою которой подвергается шомъ, кто не молится. Я желала сохранить имя доброй слушанки и чрезвычайно гордилась похвалами, кои получала. Изъ побужденій благоразумія плотскаго и мірскаго, нравы мои и поведеніе мое были довольно благоприснойны; но я не знала ни Бога, ни Христа; я пренебрегала душою моею, и если бы я умерла въ такомъ положеніи, по ады, по сущей справедливости, былъ бы моею участью.“

„Давно ли слышала ты ту проповѣдь, которая, по благословенію Божію, произвела, какъ ты говоришь, твое обращеніе?“

„Тому минуло уже около пяти лѣтъ.“

„Какимъ образомъ это случилось?“

„Я услышала, что Г. **, располагавшись сѣсть на корабль, чтобы отправиться священникомъ въ страну весьма опдавленную, держанъ прошивнымъ въпрокъ и будешь проповѣдывать въ церкви **“

„Многіе люди не совѣщывали мнѣ итти слушать его проповѣди; ибо онъ, какъ говорили, преподавалъ смертное ученіе; а потому и опасалась, чтобы онъ не вскружилъ мнѣ головы. Но любопытство и случай показашься въ новомъ плашѣ, кемъ я весьма гордилась, заставили меня рѣшиться, и я испросила у госпожи своей позволеніе итти въ церковь. По истинѣ, М. Г., не имѣла я иныхъ побудительныхъ причинъ, кромѣ тщеславія и любопытства. Такъ однако же угодно было Богу все устроить къ славу Своей.“

„И такъ я пошла въ церковь и увидѣла тамъ большое множество собравшагося народа. Чашо помышляю я о прошивоположномъ состояніи

духа моего въ продолженіе первой и послѣдней годовины отправления службы. Нѣсколько времени обращала я мало вниманія на Богослуженіе, безпрестанно оглядывалась и шаралась обратившись на себя взоры другихъ. Нарядъ мой, такъ какъ одежда большой части служанокъ веселыхъ, щеславныхъ и вънреныхъ, былъ гораздо превосходнѣе нежели моему состоянію прилично, и весьма различивовала отъ одежды свойственной смиренной грѣшницѣ, исполненной чувствованій истинной скромности и благоприсшности. Расположеніе духа моего явно обнаруживалось глупымъ убраниемъ въ моей одеждѣ.“

„Наконецъ Проповѣдникъ прочелъ слова, долженствовавшія служить основаніемъ его рѣчи: „Облекипеса смиреніемъ , Онъ сдѣлалъ сличеніе одѣянія шѣлеснаго и облаченія души. Послѣ нѣсколькихъ его реченій начала я уже спыднись спраши своей къ нарядамъ; но когда онъ началъ описывать ризу спасенія, кою облеченъ Христіанинъ, то въ полной мѣрѣ познала я наготу души моей. Я узрѣла, что не имѣю ни смиренія, упомянушаго въ прочитанныхъ словахъ Священнаго Писанія, ниже малѣйшаго какого либо свойства истиннаго Христіанина. Я кинула взглядъ на прекрасное мое платье, и гордость моя заставила меня покраснѣть отъ стыда. Я посмотрѣла на Проповѣдника, и онъ показался мнѣ посланникомъ Неба, ниспосланнымъ для моего наставленія. Я устремила взоры на слушателей, и шаралась проникнуть, объяпы ли всѣ таки ми же чувствованіями, какъ я. Я испытывала сердце мое, и оно показалось мнѣ исполненнымъ грѣха. Я дрожала при каждомъ словѣ произносимомъ Проповѣдникомъ, при всемъ томъ однако же чувствовала большое влеченіе сердца къ

всему тому, что онъ сказывалъ. Въ средспвахъ употребляемыхъ Богомъ къ спасенію грѣшника обнаружилъ онъ сокровища благодати Божественной. Я ужаснулась всему тому, что я во всю мою жизнь доселѣ дѣлала. Онъ представилъ въ примѣръ Христа Спасителя крошката, скромнаго и смиреннаго; я почувствовала, что я надменная, горда, тщеславна и высокомерна. Онъ изобразилъ Его яко сущую Премудрость: я убѣдилась въ своемъ невѣжествѣ. Онъ описалъ Его яко истинное Правосудіе: я почувствовала, сколько я виновна. Онъ доказалъ, что Христосъ есть Свяшитель: я узнала все мое развращеніе. Онъ возвѣсилъ Его Искупителемъ: я примѣшила, что я невольница грѣха и плѣнница сатаны. Наконецъ, въ сильномъ и преисполненномъ живости увѣщаніи, обратился онъ къ грѣшникамъ, убѣждая ихъ избѣгать грядущаго гнѣва, отрещись отъ присрасшій къ наружнымъ украшеніямъ, и, по примѣру Иисуса Христа, облещись смиреніемъ.“

„Съ того самаго мгновенія не выпускала я болѣе изъ виду ни важности души моей, ни опасности провождать жизнь во грѣхахъ. Внутренно возносила я хвалу Богу за то, что удостоилась слышать означенную проповѣдь, хотя впрочемъ духъ мой находился еще въ большемъ смущеніи.“

„Проповѣдникъ говорилъ и опорочивалъ въ словѣ своемъ любимую страсть сердца моего, охоту къ нарядамъ; и сіе то было орудіе, которое Богъ, дѣйствіемъ благодати Своей, употребилъ для извлеченія души моей изъ ея усыпленія. Какое бы то счастье было, М. Г., естли бы многія мнѣ подобныя бѣдныя дѣвки могли отказаться отъ присрасшій къ нарядамъ и убранствамъ, съпѣмъ, дабы спараться пріобрѣсти украшеніе неплѣнное, духъ крошости и

смирения, который есть многоцѣненъ въ очахъ Господнихъ.“

„Большой части слушателей, мало пріобъикшихъ къ проповѣдямъ такого рода, соснавленнымъ изъ разительныхъ словъ Священнаго Писанія, не понравился Проповѣдникъ, и они шаловались на его строгость: между шьмъ однако же небольшое оныхъ число, какъ я въ послѣдствіи времени узнала, было, шакъ какъ и я, сильно пронуло его поученіями и пламенное возымѣло желаніе услышашъ его еще однажды: но онъ въ шомъ городѣ болѣе не проповѣдывалъ.“

„Съ шого самага времени предалась я молишвамъ наединѣ, чтенію и размышленіямъ, и сіе довело меня до разсужденій о шомъ, какого наслѣдія я по грѣховности моей лишилась, и какимъ образомъ безпредѣльное милосердіе Божіе по заслугамъ Иисуса Христа испорнуло изъ праха и пепла погруженное въ беззаконіяхъ швореніе, дабы содѣлашъ оное участникомъ славы и блаженства небснаго. Ахъ! М. Г., какого Спасителя обрѣла я! Онъ дѣлаешъ для меня болѣе нежели я прошшъ или желашъ могла. Онъ избыточества Его получила я все то, въ чемъ бѣдное созданіе можетъ имѣшъ надобность; на лонѣ Его нашла я убѣжище ошъ всякаго грѣха и ошъ всякой печали; въ словѣ Его обрѣла я силу прошиву сомнѣнія и невѣрія.“

„Не удосшовѣрилась ли шы вскорѣ“, сказала я ей, „что спасеніе швое есть единственно дѣло благодати Господней, и совершенно независимо ошъ прежнихъ дѣяній и заслугъ швоихъ?“

„Каковы были, Милосшивый Государь, дѣянія мои прежде нежели слышала я шу проповѣдь? Онѣ всѣ были злыя, паошскія, не имѣди иной побудишельной причины кромѣ само-

любія, и опнюдь не основывались на Религіи. Съ самаго нѣжнаго моего младенчества всѣ влеченія сердца моего безпрестанно клонились ко злу. Заслуги мои! Въ чемъ иномъ состояли онѣ, какъ не въ заслугахъ упавшей, развращенной и безпечной души, не внимавшей ни закону Божію, ни Евангелію? Такъ, М. Г., я пошчасъ увидѣла, что есшьли я когда либо спасена буду, то сіе послѣдовашь можешъ только по единому милосердію Божію, и что вся слава моего обращенія, съ самаго начала до конца, принадлежишь Ему одному.“

„Какую перемену замѣтила ты въ самой себѣ въ отношеніи къ міру?“

„Онѣ мнѣ показался преисполненнымъ суеты и удрученія духа. Я нашла, что для душевнаго мира моего надлежишь мнѣ оный оставишь и опъ онаго оплучишься. Я предалась молишвѣ и въ продолженіе нѣсколькихъ драгоценныхъ часовъ наслаждалась чистѣйшимъ удовольствіемъ въ общеніи съ Богомъ. Часто сокрушалась я о грѣхахъ своихъ, и неоднократно должна я была выдерживашь шяжкія борьбы съ невѣріемъ, страхомъ, искушеніемъ возвратишься къ прежнему образу жизни, и со множествомъ различныхъ препонъ, встрѣчавшихся на пути моемъ. Но Тотъ, Кошорый возлюбилъ меня опъ вѣка, испоргнулъ меня, по благошворной любви Своей изъ затрудненій, указаль мнѣ путь мира, и наставиль меня, что есшьли безъ Него ничего я не могу шворишь, то все однако же мнѣ возможно при помощи Его силы.“

„Не встрѣтила ли ты множества шрудностей въ швоемъ положеніи по причинѣ перемены правилъ и поступковъ швоихъ?“

„Правда, М. Г.; сіе случалось ежедневно. Одни издѣвались надо мною, другіе бранили меня, непріятели мои презирали меня, а друзья

мои сожалѣли обо мнѣ. Меня называли лицемеркою, изсущуленной, лукавою, обманщицею; и множесто давали мнѣ шакихъ наименованій, дабы содѣлать меня ненавистною въ глазахъ всего свѣща. Но я вмѣняла себѣ въ честь претерпѣвать укоризны за крестъ мною носимый. Я прощала моимъ гонителямъ, я молилась за нихъ, и вспомнила, что не за долго предъ шѣмъ послунала съ другими шакимъ же образомъ. Сверхъ того размышляла я, что Христосъ претерпѣлъ противорѣчія грѣшниковъ; и какъ ученикъ не можетъ быть болѣе своего Учителья, то я рада была переносить гоненія, нѣкоторымъ образомъ сходныя съ Его страданіями.“

„Не возчувствовала ли ты тогда особенной нѣжности и привязанности къ собственному своему семейству?“

„Конечно шакъ, М. Г. Родственники мои никогда не выходили изъ памяти моей. Я безпрестанно молилась за нихъ и имѣла пламенное желаніе дѣлать имъ добро. Преимущественно же заботилась я о бабюшкѣ и машушкѣ, поелику они приближались къ старости, пребывая въ совершенномъ невѣденіи и не имѣя почти никакого понятія о Религіи.“

„Такъ“, прервала мать съ рыданіемъ; „невѣждами и непросвѣщенными, грѣшниками и несчастными были мы дошолѣ, доколь Лиза, сія добрая Лиза, сія дражайшая дочь наша не привела Иисуса Христа въ домъ бѣднаго ея отца и бѣдной ея матери.“

„Никакъ нѣтъ, дражайшая машушка; скажише лучше, что Иисусъ Христосъ привелъ къ вамъ дочь вашу, дабы она вамъ сказала, что Онъ сдѣлалъ для ея души, и дабы, какъ я надѣюсь, сдѣлать то же и для васъ.“

Въ то время вошелъ Молочникъ, неся на хоромышлѣ два ведра съ молокомъ. Онъ ошпанно-

вился на нѣсколько минушь позади опворенныхъ дверей и слышалъ послѣднія рѣчи, говоренныя его женою и дочерью.

„Да благословишь ее Господь и да окажешь ей Свое милосердіе,“ сказалъ онъ, „все это есть сущая истина; она оставила хорошее мѣсто, гдѣ находилась въ услуженіи, единственно для того, дабы жить съ нами и дабы помогать намъ, какъ въ свѣдѣніяхъ, такъ и въ душевныхъ нашихъ нуждахъ. Но скажите мнѣ, М. Г., не замѣчаете ли вы на лицѣ ея признаковъ опасности? Я думаю, что не долго мы ее у себя имѣть будемъ.“

„Предоставьте сіе Господу“, сказала Елисавета. „Жизнь наша въ Его рукахъ, и сіе составляетъ наше счастье. Я готова предпринять путешествіе: да и вы, бабюшка, не гонимы ли вы пущитесь въ путь со мною, дабы идти въ объятія Того, Который прежде даровалъ меня вамъ?“

„Вопрошай меня о другомъ чемъ“, сказалъ въ слезахъ отецъ.

„Я знаю“, возразила она, „что вы желаете видѣть меня счастливою.“

„Правда, правда!“ желаю, того,“ отвѣтствовалъ онъ. „Да сотворишь Господь съ тобою и съ нами то, что Ему угодно.“

Послѣ того спросилъ я у Елисаветы, на чемъ, въ ожиданіи приближающейся смерти основано преимущественно нынѣшнее ея утешеніе.

„Въ полной мѣрѣ на понятіи моемъ о Иисусѣ Христѣ, М. Г. Когда я внутренно себя испытываю, то множество грѣховъ, множество слабостей, множество недостатковъ зашмѣваютъ образъ Иисуса Христа, опѣскиваемый мною въ собственномъ моемъ сердцѣ. Но когда взираю на самаго Спасителя, то все Его достоинство является предо мною: нѣтъ ни единого

пятна на лицѣ Его, нѣтъ ни единого облачка, зашмѣвающего Его совершенства.“

„Я помышляю о томъ, что Онъ принялъ на Себя образъ человѣка, и сіе преподаешь мнѣ швердосшь къ пренесенію шѣлесныхъ спраданій мною прешерпѣваемыхъ; ибо Онъ спрадалъ шакъ же, какъ и я. Я помышляю о искушеніяхъ, коимъ Онъ подлежалъ, и вѣрую, что Онъ мнѣ помочь можешь, когда я подвергаюсь искушенію. Наконецъ помышляю я о крестѣ Его, и научаюсь нести собственнѣй мой крестъ. Я размышляю о Его смерти, и съ неперпѣніемъ жадаю умереть грѣху, дабы не находилъсь болѣе подъ владычествомъ онаго. Иногда помышляю я о Его воскресеніи, и я преисполняюсь надеждою, что буду въ ономъ участницею; ибо чувствую, что склонности мои возносятъ меня въ горняя. Но самое большое мое упѣшеніе обрѣшаю я въ томъ, когда взираю на Него съдѣща одесную Отца, ходатайствующа за меня о услышаніи слабыхъ молишвъ, возсылаемыхъ мною какъ за себя, шакъ и за дражайшихъ родителей моихъ.“

„Вошь какія, по милосердію Божію, я имѣю, понятія о благости Спасителя моего; онъ зашавляющъ меня желашъ и по всей моей возможности усиливанъсь служишь Ему, предашьсь Ему, и пецишь о исполненіи моихъ обязанностей въ томъ сосояніи, въ которое Ему угодно было меня посшавишь.“

„Болѣе тысячи разъ пала бы я въ немощь, еспшли бы Онъ не поддержалъ меня. Я чувствую, что я безъ Него ничшо. Онъ ешь всяческая во всѣхъ.“

„Доколь могу повергать на лоно Его скорби мои, дополь обрѣшаю силы къ исполненію воли Его. Да возмогу, по благодати Его, и до послѣдней мицушы жизни моей, возлагать на Него мое упованіе! Не страшусь я смерти, ибо въ-

рую, что Онъ лишилъ ее жала ея: какое же счастье ожидаетъ насъ шамъ! . . . Скажише, М. Г., правильно ли я разсуждаю? Я думаю, что не обманываюсь. Ни на чемъ меньшемъ не осмѣливаюсь я основывать надежды своей, какъ на заслугахъ и достоинствахъ Иисуса Христа въ полномъ ихъ совершенствѣ. Когда вопрошаю сердце мое, то опасуюсь полагаться на оное; ибо оно мнѣ измѣняетъ и часно меня обманывало. Но когда прибѣгаю ко Христу, то оповѣстивуешь Онъ мнѣ ободряющими и укрѣпляющими меня обшваніями, не осмѣивающими мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ Его могуществѣ и въ Его расположеніи къ спасенію. Я въ Его рукахъ и въ оныхъ желаю пребыть на всегда. Я увѣрена, что Онъ меня не покинетъ, и что довершишь начатое Имъ надо мною дѣло. Онъ любилъ меня и жертвовалъ Собою для меня; и я твердо знаю, что дары Его и обшванія Его не навлекутъ раскаянія. Въ семь упованіи живу я, въ семь упованіи желаю я умереть.“

Въ продолженіе сего разговора оглядывался я во все стороны и сказала про себя: „Подлинно, домъ сей есть домъ Господній и враша къ небу.“ Все было въ ономъ чисто, опрятно и привлекательно. Съ самага полудня время было пасмурное; но предъ самымъ захожденіемъ солнца показались лучи солнечные и внезапно освѣтили комнату. Свѣтъ ударилъ на три или четыре ряда оловянныхъ и бѣлыхъ фаянсовыхъ шарелокъ, весьма чистыхъ и порядочно разспавленныхъ на полочкахъ у стѣны, да на нѣсколько привѣшенныхъ къ оной эстамповъ, изображавшихъ духовные предметы и приводившихъ на память рождество и крещеніе Иисуса Христа, Его распятіе и Его воскресеніе.

Большой планъ Иерусалима и іероглифическое изображеніе вѣщаго человека и новой

пвари довершали украшеніе комнаты. Стѣна, при всей ея бѣлизнѣ, не могла бытъ чище всего прочаго въ комнату, равно какъ и мебели. Рѣдко развѣ освѣщало солнце домъ, въ кошоромъ бы чистота и опрятность, вѣрные спущники благочестиваго и благопристойнаго убожества, болѣе были примѣсны, какъ здѣсь.

Явеность заходящаго солнца была подобіе того блистающаго спокойствія, съ каковымъ сія молодая Христіанка готовилась довершить путь жизни своей. Лучъ солнечный, ударившій на небольшое зеркало, отразился на лицѣ ея. Тогда въ блѣдныхъ и помныхъ чертахъ ея примѣсны были безмятежная преданность въ волю Божію, порожествующее упованіе, непритворное смиреніе и нѣжная попечительность, изображавшія въ полной мѣрѣ чувствованія сердца ея.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ наслаждался я еще прогашельною бесѣдою, и потомъ крашкая молитва заключила наше свиданіе.

Возвращаясь въ сумерки, встрѣчалъ я повсюду царствующую тишину. Мычаніе рогашаго скота, бляніе сыпыхъ овецъ, жужжаніе ночныхъ насѣкомыхъ, шумъ волнъ морскихъ въ отдаленности, послѣднее пѣніе дневныхъ птицъ и начинающіяся пѣсни соловья были слысны и служили болѣе къ возвеличенію, нежели къ уменьшенію мирнаго спокойствія вечера, и соотвѣпствующихъ тому впечатлѣній на душу мою. Вечеръ плаковый возбуждалъ и способствовалъ къ размышленіямъ, внушеннымъ мнѣ уже моимъ посѣщеніемъ. Зрѣлише природы, созерцаемое окомъ Христіанскимъ, преподаетъ часто случай къ прекраснѣйшимъ доказательствамъ Божественныхъ истинъ. Большимъ должны мы почитать счапніемъ то, когда можемъ имъ наслаждаться и вмѣстѣ съ тѣмъ возноситься къ Богу.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Упѣвши шельно видѣшь, что посреди мрака духовнаго, царствующаго во многихъ мѣсяхъ снраны сей, Богъ имѣеть однако же избранныхъ своихъ. Не рѣдко вспрѣчается, что люди часные и живущіе въ уединеніи, лишенные обыкновенныхъ способовъ къ снисканію благодати, получаютъ впечатлѣнія истинно спасительныя, и что ниспосылаемому отъ Провидѣнія на скромныя ихъ размышленія, на ихъ чпеніе и на молитвы ихъ благословеніемъ, они доспигають до сердечнаго общенія съ Богомъ и содѣлываются ошлично благочеспивыми Христіанами. Не малое есть по заблужденіе большей части наславниковъ нашего времени, что они не шолько презирають примѣры шакого рода, но даже спарають уничтожать оные. У многихъ изъ нихъ вѣроисповѣданіе и мнѣнія о Религіи въ ихъ составѣ наиболѣе образують родъ механизма. Еслии не всякое колесо, не всякая веревя, цѣпь, пружина, не всякой зубецъ, не всякая шестерня находится шочно на своемъ мѣспѣ, или же не дѣйспвуюшь по любимой ими и предписанной системѣ, то ошвергають цѣлое, яко недоспойное вниманія. Но по счастію *позна Гослодь сущія Своя*; а печаль дара Духа Его неославляетъ ошличать нѣкоторыхъ изъ нихъ, копорые живя, шакъ сказашь, въ опдаленіи отъ сообщества духовныхъ, *именуяй имя Гослодне опстулають отъ нелавды*.

Въ самомъ дѣлѣ есть нѣсколько истинныхъ Христіанъ, копорые въ семъ опношеніи могутъ оправдать слѣдующее прекрасное уподобленіе одного поэта:

„Сколько драгоценныхъ жемчужинъ оспаается сокрытыхъ въ глубокихъ пропастяхъ океа;

на: сколько цвѣтновъ распускающася шамъ, гдѣ ликино ихъ не видишь, и распроспраняющъ благоуханіе свое въ нуспынь.“

Не совѣмъ однако же шаково было положеніе дочери Молочника. Правда, что вѣра ея утвердилась въ уединеніи и что она имѣла корешкое знакомство только съ весьма малымъ числомъ людей; но она вела жизнь полезную, имѣла кончину пресчастливую и оставила по себѣ блистательныя слѣды. Предпринимая издашь слабое всего того описаніе, я всемъ сердцемъ желаю возчувствовашъ все отъ онаго вліяніе, и по неизречимому милосердію Божію находишься позади шѣхъ, кои вѣроу и долготерпѣніемъ наслѣдуютъ обѣщанія.

Съ самаго перваго моего посѣщенія заключалъ я, какъ и выше упомянуто, что она быспрыми шагами приближается къ своей кончинѣ. Я получилъ еще записку, въ скороспи писанную, съ извѣщеніемъ, что она при послѣднемъ издыханіи. Записку сію принесъ мнѣ солдатъ, коего наружность являла благоприсойносшь, здравый разсудокъ и благочесніе.

„Я пришелъ къ вамъ, М. Г.“, сказалъ онъ, „отъ имени ошца и машери Елисаветы В“, по собственой ея прозвѣ, дабы извѣстишь васъ, что они все усердно желаюшь васъ видѣшь. Кончина дочери приближается, М. Г. и по истинѣ весьма скорыми шагами.“

„Давно ли шы съ нею знакомъ?“ спросилъ я.

„Около мѣсяца, М. Г. Я люблю посѣщать больныхъ; и услышавъ отъ одной благочеспивоу особы, живущей въ нашемъ сосѣдствѣ, о ея положеніи, я пошелъ ее навѣспитъ. Благодарю Бога за то, что я шамъ былъ. Бесѣда съ нею была для меня весьма полезна.“

„Радуюсь“, сказала я ему, „что нашелъ въ тебѣ, какъ надвюсь, шоварища. Хотя мы и различуемъ въ нашемъ одѣянн, но я думаю, что мы служимъ одному духовному Полководцу. Я повѣду съ тобою.“

Лошадь моя скоро была осѣдлана. Сопутникъ мой шелъ подлѣ меня, а умные и благочестивые разговоры его доснавлили мнѣ чувствительное удовольствіе. Онъ пересказывалъ мнѣ доснопримѣчательныя доказательства превосходнаго духовнаго расположенія дочери Молочника, почерпнушыя имъ изъ нѣсколькихъ разговоровъ, которые онъ не за долго предъ шѣмъ съ нею имѣлъ.

„М. Г.! Она есть богатый алмазь, который вскорѣ сіять будетъ съ большимъ блескомъ, нежели какой либо алмазь на земли.“

Мы слѣдовали чрезъ ущелины и поля, по горамъ, долинамъ, проселочнымъ дорогамъ и уединеннымъ пропинкамъ, переходя иногда, а иногда слѣдуя вдоль по излучинамъ небольшого ручейка, прошекавшато съ усладительнымъ журчаніемъ подлѣ дороги. Бесѣдуя между собою, мы не мыслили о распоянн и время на путешествованіе употребленное, казалось намъ, сократилось; наконецъ мы приближались уже къ хижинѣ Молочника.

Подъѣхавъ къ оной, мы замолчали. Мысли о смерти, вѣчности и спасенн, внушенныя видомъ дома, въ коемъ истинно вѣрующая находилась при послѣднемъ издыханн, преисполнили духъ мой и, какъ я не сомнѣваюсь, духъ моего спутника.

Ни единое живое существо не показывалось еще, кромѣ собаки Молочника, которая въ молчанн сперегла ворота; ибо въ сей разъ она не залаяла, какъ шо при прежнихъ моихъ посѣщеннхъ дѣдала. Казалось, что и она въ пред-

споящихъ обстоятельствовахъ раздѣляла чувствованія семейства, до того, что не хотѣла произвестъ нечаянной и горестной тревоги. Она дошла до камишки сада и попомъ оглянулась на вороша дома, какъ будто знала, что въ ономъ обитаетъ горестъ. Она, казалось, хотѣла сказать: „войдите тихонько въ сей домъ печали; ибо сердце Господина моего преисполнено скорби.“

Солдатъ принялъ лошадь мою и привязалъ оную подъ навѣсомъ. Самая глубочайшая щель царствовала во всей окрестности: она была прерываема только свисомъ въпра, раздававшимся между двумя большими орховыми деревьями, стоявшими подлѣ дома, и воображеніе мое находило удовольствіе предсавить ихъ себѣ испускающими съгованія и воздыханія. Я отворилъ тихонько вороша; никто не показывался, всѣ пребывали въ глубокомъ молчаніи. Солдатъ шелъ за мною, и мы подошли къ крыльцу.

„Вошь они,“ раздался голосъ, и я узналъ, что это голосъ отца: „вошь они!“

Онъ вышелъ на крыльцо; я подаль ему руку, не сказавъ ни слова. Вошедъ въ комнату, я увидѣлъ, что добрая старая мать и сынъ ея поддерживали любезнѣйшую Елисавету. Невѣстка ея сидѣла у окна, заливаясь слезами и держа ребенка на колѣняхъ. Еще два или три человека находились въ комнатѣ, которые гостовы были оказавъ всѣ шѣ услуги, коихъ дружба или надобность могли потребовать.

Я сѣлъ подлѣ кровати. Мать плакать не могла, но по временамъ шяжко воздыхала, обращая взоры попеременно то на Елисавету, то на меня. Ручьи слезъ текли изъ

глазъ брата и свидѣтельствовали о его любви и нѣжности. Добрый старецъ споялъ у ногъ кровати, опершись на одинъ изъ столбовъ и пристально взирая на любимое дитя, котораго вскорѣ долженъ былъ лишиться.

Глаза у Елисаветы были сомкнуты; а потому и не могла она меня примѣнить. Но на блѣдномъ и изсохшемъ лицѣ ея, миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, распростиръ шоржесвенную безмяшежность.

Послѣ краткаго отдохновенія, солдатъ, не говоря ни слова, вынулъ Библию свою, и подаль мнѣ оную, указавъ пальцемъ на одно мѣсто. Тогда прервалъ я молчаніе и началъ читать указанное мѣсто. (1 Кор. XV. 55. 56. 57.). *Гдѣ ти, смерти, жало; гдѣ ти, 'аде, побѣда. Жало же смерти, грѣхъ: сила же грѣха, законъ. Богу же благодареніе давшему намъ побѣду Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ.*

При сихъ словахъ глаза больной раскрылись, и нѣчто подобное лучу Божественнаго свѣта сіяло на лицѣ ея, когда она сказала: „Побѣда, Побѣда! Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ.“

Помомъ она опять упала, не обративъ вниманія ни на кого изъ присушествующихъ.

„Хвала Всевышнему Богу за шоржесство Вѣры!“ воскликнулъ я.

„Аминь,“ сказалъ солдатъ.

Молочникъ, воздѣвъ глаза къ небу, даль почувствовать, что слово Аминь у него въ сердцѣ, хопя уха его и не произнесли онаго.

Молодая умирающая усиливалась вбирать въ себя воздухъ; когда эшо прошло, то сказалъ я ей:

„Любезная моя, не чувствуешь ли ты, что тебя поддерживаюшь?“

„Господь спунаетъ со мною весьма милосердо,“ возразила она.

„Не драгоценны ли тебѣ нынѣ обѣщанія Его?“

„Елика бо обѣщанія Божія, въ томъ ей, и въ томъ Аминь во Иисусъ Христъ.“

„Сильно ли ты страдаешь?“

„Такъ мало, что почти и не помышляю о томъ.“

„Сколь благъ Господь!“

„И сколь я того недостойна!“

„Ты вскорѣ узришь Его шакowymъ, каковъ Онъ естъ.“

„Думаю надѣюсь вѣрую тому.“

Она впала опять въ крашковременное безпамятство.

Япосмотрѣлъ на мать и сказалъ ей: „Какое счастье имѣшь шакое дитя, какъ дочь швоя, и шполь близкое достигнуть царшвія небеснаго.“

„И какое бы то милосердіе было,“ возразила она препинаясь, „естли бы бѣдная дряхлая мать ея могла шолько ишши въ слѣдъ за нею. Но, М. Г., разлука весьма шягосшна.“

„Я надѣюсь, что по благодати Божіей и помощьюъ вѣры швоей, вы вскорѣ паки соединитесь, съ шѣмъ, дабы никогда болѣе не разлучались: время сіе не будешь продолжительно.“

На сіе сказалъ Молочникъ: „М. Г., мысль сія меня поддерживаешь; и по благосши Господней чувствую я себя гораздо болѣе прежняго преданнымъ въ Его волю.“

Тутъ дочь очувствовавшись сказала: „Башюшка Машушка Онъ милосердъ ко мнѣ полагайтесь на Него, хвалите Его во вѣки.“

„М. Г.“ присовокупила она слабымъ голосомъ, „благодарю васъ за всѣ оказанныя мнѣ вами благодарія одной милосши хочу у васъ просить. Вы похоронили сесшру мою окажите мнѣ ту же милосшъ.“

„Все будешь по своему желанію, естли по Богу угодно,“ опившиговала я.

„Благодарю васъ, М. Г., благодарю Еще другой милоспи должна я у васъ просишь. . . . Когда меня не будешь болѣе, по не забудьте опца моего и матери моей. Они спары, но я уповаю, что благое дѣло ихъ обращенія пуспило корни въ душахъ ихъ молитвы мои услышаны Сдѣлайте милоспи, навѣщайте ихъ Не могу много говоришь, но хочу говоришь за нихъ М. Г. вспомянайте объ нихъ.“

Въ то время добрые старики воздохнули шяжко и начали рыдашь, проговаривая про себя нѣкоторыя прерванныя реченія. Выражая такимъ образомъ свою чувспвишельность, получили они нѣкоторое облегченіе.

Наконецъ сказала я Елисаветъ: „Оспаются ли тебѣ какія-либо сомнѣнія, или не чувспвуешь ли какихъ либо искушеній на счетъ швоего спасенія?“

„Никакихъ, М. Г.: Господь весьма милосердъ ко мнѣ и даруешь мнѣ миръ.“

„Какое имѣешь шы понятіе о мрачной долинь смерти, шеперь, когда проходишь чрезъ оную?“

„Она не мрачна.“

„Какъ же такъ?“

„Господь мой въ ней обитаешь; Онъ еспъ свѣшильникъ и Спасишель мой.“

„Опасается ли шы преперпѣшь еще какія либо спраданія?“

„Господь споль милосердъ ко мнѣ, что я могу на Него полагашься.“

Тогда схватили ее судороги. Когда оныя прошли, по сказала и нѣсколько разъ повшоряла она:

„Господь весьма милосердь ко мнѣ. Господи, Тебѣ принадлежу я, спаси меня Божественный Иисусе драгоценный Спаситель Кровь Его очищаешь ошь всякаго грѣха Кто разлучишь? Имя Его есть Дивный Благодареніе да воздастся Богу Онъ даруешь намъ побѣду Я, даже я спасена. . . . О благодать, о милосердіе, о чудо. . . . Господи, прими духъ мой! Милостивый Государь дражайшій бапюшка, дражайшая мапушка, друзья мои, я васъ оставляю но все хорошо, хорошо, весьма хорошо “

Она впала опяшь въ безпамятство Мы спали на кодьна и молились Господь былъ посреди насъ и благословиль насъ.

Во все время, чшо я шамъ еще пробыль, она не почувствовала болѣе и не произносила ни одного вразумительнаго слова. Она была въ нѣкоторомъ родѣ забвенія около десяти часовъ, и наконецъ заснула въ объятіяхъ Господа споль къ ней милосердаго.

Я оставиль комнашу спустя часъ послѣ того, какъ она переспала говоришь. Прощаясь съ нею, я пожалъ ей руку и сказалъ ей: „Хришось ешь воскресеніе и живошь.“ Тихонько пожала она мнѣ взаимно руку, но не могла ни раскрышь глазъ, ни ошвѣтствовашъ мнѣ.

Никогда до того времени не находилъся я при происшествіи такоаго рода, которое бы произвело споль сильное какъ нынѣшнее на меня впечатлѣніе. Оно совершенно заняло мое воображеніе во время моего возвращенія домой.

„Проспи,“ сказалъ я самъ про себя, „проспи, любезный другъ, до ушра того вѣчнаго дня, въ кошорый мы лично возобновимъ бесѣды наши. Ты была головою и исторгнула изъ пламени, дабы содѣлаться звѣздою блистающею въ шверди небесной славы. Я видѣль свѣтъ

швой и добрыя дѣла твои, и буду прославлять за то Отца нашего, иже на небеси. Въ швоемъ примѣрѣ видѣлъ я, что такое есть грѣшникъ, спасаемый самою благодатию Господнею. Въ тебѣ, яко въ живомъ зеркалѣ, научился я познавать Того, Который начинаешь, продолжаешь и совершаешь дѣло вѣры и любви. Иисусъ есть всяческая во всѣхъ; Онъ долженъ бытъ и будешь прославляемъ. Онъ заслужилъ вѣнецъ и Онъ Единъ достоинъ бытъ вѣнчанымъ. Онъ спасаетъ и Единъ спасашь можешь. Проспи, любезная во Христѣ сеспра. Тѣло и сердце швое могутъ прійти въ изнеможеніе; но Богъ есть сила сердца швоего, и пребудешь удѣломъ швоимъ на всегда.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Кшо можешь постигнуть или уразумѣть сущность шой переменны, которую испыташь должна душа испинно вѣрующаго, когда она, оставя брешную свою оболочку, внезапно являешся предъ Богомъ? Еслили любовь и премудрость Божія предспавляющся глазамъ вѣрующаго, даже шецерь, когда онъ взираетъ на сіи предметы сквозь мракъ невѣденія, преисполненными упѣшенія: шо каковы должны они ему показаться, когда удостоишся преславнаго лицезрѣнія Божія, когда созерцаешь Его будешь лицемъ къ лицу? Еслили наслажденіе общенія со святыми, и полученіе спасительныхъ совѣщовъ отъ шѣхъ, кои, подобно намъ, шеспвуютъ къ царству небесному, есть уже драгоценнымъ преимущесствомъ на семь свѣшъ: шо чего не должны мы надѣяшся видѣть и познашь, когда достигнемъ наконецъ къ Сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному: и тѣмалъ Ангеловъ, Торжеству, и церкви первородныхъ

на небесѣхъ написанныхъ, и судии всѣхъ Богу, и духомъ праведникъ совершенныхъ, и къ ходатаю заѣта новаго Иисусу?

Есшьли въ продолженіе исполненнаго воздыханій и плача смершнаго снрашеннованія, ушѣшенія Духа Свяшнаго сноль драгоценны, и унованіе на безсмерніе сноль живошворно для души: то какое сердце можешъ понишь, какой языкъ можешъ выразишь шу превысшреннюю снепенъ радости, кошорую душа ошущашъ будешъ; когда она дошшигнешъ до шого сосшоянія, въ коемъ воздыханія и печали исчезающъ, и въ коемъ глаза слезами орошенныя осушашся.

Всѣ сіи мысли шѣснились въ моемъ воображеніи въ то время, когда я пущился въ пушь къ шому дому, изъ коего располагались шоржешвенно предашь землѣ прахъ дочери Молочника.

Она испустила послѣднее издыханіе вскорѣ послѣ вышеописаннаго посѣщенія моего. Родители получили позволеніе, шочно такъ какъ и по случаю кончины меньшей дочери ихъ, чшобы я опшравиль обрядъ погребенія. Различныя, хошя ушѣшительныя, но вмѣстѣ съ шѣмъ печальныя поняшія совокуплялись въ умѣ моемъ съ мыслию о исполненіи сей обязанности. Я вспомнилъ, чшо я имѣлъ множешво важныхъ съ нею разговоровъ: но что сіе не могло болѣе уже случишься на сѣмъ свѣшѣ. Я разсуждалъ о важности и пользѣ связей дружбы Хриштіанской, хошя бы оныя образовались въ знаменитыхъ чершюгахъ или въ бѣдныхъ хижинахъ; и я почелъ себя весьма сшасшливымъ, чшо въ продолженіе шоль долгаго времени наслаждался я шаковымъ преимущешствомъ съ особою, описанною въ сѣмъ сочиненіи. Тогда, помышляя, чшо не могу болѣе услышашъ высокыхъ истины Хри-

спіанства изъ усть шой особы, копорая на-
поевалась сшоль обильно изъ испочника воды
живошный, невольный вздохъ излешль изъ
груди моей. Но мгновенный ропощь сей пре-
кращенъ былъ слѣдующею ушѣшишельною мы-
слію: она удалилась въ обитель вѣчнаго покоя;
могу ли я желать, чшобы она возвратилась въ
сію плачевную юдоль.

Въ шо самое время услышалъ я первый
звонъ колокола, раздавшійся опъ церкви въ де-
ревнѣ, лежащей у самой подошвы шой горы,
чрезъ копорую я вхаль. Звонъ сей былъ вѣщ-
никомъ погребенія бѣдной Елисаветы.

Звонъ сей внушалъ чувствования благого-
вѣнія; и будучи мною слышанъ по дорогѣ
поспепенно возвышающейся, раздавалъ звукъ
особеннаго рода. Медленные и съ равными раз-
спановками производимые удары колокола
(какъ шо обыкновенно дѣлается въ продолже-
ніе довольно долгаго времени прежде отпра-
вленія обряда погребенія), казалось, возвѣща-
ли въ одно время, и блаженное состояніе шо-
го, копорый умираешъ о Господѣ, и обязан-
ность оспающихъ въ живыхъ разсуждаешъ о
всемъ шомъ и сохраняешъ оное въ сердцѣ своемъ.
Они, казалось, говорили: „Услыши, о смершный!
гласъ мой, тебя призывающей. Одинъ шолько
шагъ ошдѣляешъ тебя опъ могилы. Возспанъ,
*устрой о дому твоемъ, умираеши бо ты, и не
будеши живъ.*“

Мѣшоположеніе совершенно соотвѣшшво-
вало шому спокойному расположенію духа, копо-
рое наиболѣе приличешвуешъ при глубокихъ ду-
ховныхъ размышленіяхъ. У самой подошвы горы
находилась богашая и плодоносная долина, укра-
шенная полями и лугами, посреди коихъ извивал-
ся ручеекъ въ безчисленныхъ направленіяхъ и
на берегахъ коего паслось множество скоша.

Долина ограничивалась покрывшею спадомъ цѣпью холмовъ, въ видѣ полукружія, величественно просиравшеюся до самаго океана, коего синія волны видны были въ отдаленности. Богатыя селенія, бѣдныя деревушки и церкви разсыяны были по разнымъ мѣстамъ въ долину. Значныя жилища богачей и скромныя хижины бѣдныхъ усугубляли пестрою своею красотою мѣстоположенія. При самомъ благораспоренномъ воздухѣ, солнце, миновавшее уже самую большую вышину, образовало лучами своими по косограмъ холмовъ прекраснѣйшіе и взоръ восхищающіе оттѣнки. Посреди сего великолѣпнаго зрѣлища, вниманіе мое преимущественно обращено было на звонъ колокола, предвозвѣщавшій погребеніе дочери Молочника.

Можетъ статься, нѣкоторые изъ читающихъ моихъ сдѣлають вопросъ, для чего я столь много вхожу во всѣ мѣлочныя подробности сельскихъ видовъ, сопряженныхъ съ описываемыми мною происшествіями. На сіе отвѣщаю, что Богъ Искупительъ есть и Богъ Создатель, и что каждая часть Слова Божія научаетъ насъ, вмѣстѣ съ удивленіемъ красотахъ и дивностямъ природы, обрѣщать въ томъ новую побудительную причину къ набожности. Когда Давидъ созерцалъ небо, дѣло перста Господня, то сіе самое обратило его къ глубокому смиренію сердца предъ своимъ Создателемъ. И когда спалъ разсмапривавъ овецъ, быковъ и прочій рогатый скотъ, и шницъ на воздухъ и рыбу въ морѣ, то принуждѣнъ былъ воскликнуть: *Господи Господь нашъ, яко трудно имя Твое по всей земли.*

Я другъ бѣдныхъ, и особливо желаю, чтобы каждый бѣдный работникъ зналъ, какимъ образомъ соединить благость Божію, являющуюся намъ въ созданіи Его и въ Провидѣніи, съ

непоспѣжимыми дарами благодати Его въ спасеніи грѣшника. И гдѣ же можешь онъ почерпнуть сей урокъ поучительнѣйшимъ для него образомъ, какъ не въ разсмотрѣніи полей, трудамъ его подлежащихъ и въ слѣдованіи по снѣзъ перспа Божія во всемъ чпо взору его предснзавляешся? Таковыя размышленія доснавляли часшо мнѣ самому и пользу и удовольствіе; а пошому и желаю, чшобы чинашели мои, также какъ и я, оними воспользовались.

Хижина Молочника находилась болѣе нежели на милью разстоянія ошъ церкви. Ошъ самой подошвы горы до жилища его надлежало проѣзжашъ по узкой дорогѣ, оснзваемой съ обѣихъ спшоронъ превысокими деревьями и заборами. Не возможно было не примѣшшшь, сколько мракъ по сему проѣзду сошвѣшспшвоваль дому, исполненному печали.

Вошедъ я увидѣль, чшо многіе Хриштолюбивые друзья собрались шуда изъ разныхъ сосѣднихъ мѣсшъ, дабы воздашъ послѣдній долгъ почшенія и уваженія къ памяши дочери Молочника. Нѣкоторыя изъ нихъ познакомились съ нею шолько въ послѣднее время ея болѣзни; другіе, коихъ число однако же было малое, находились уже издавна въ дружественной съ нею связи; но всѣ вообще, казалось, усердшвовали обнаружшшь почшеніе свое къ особѣ, содѣлавшейся имъ драгоцѣнною по опличнѣйшимъ въ ней чершамъ истинной Христіанки.

Меня просили войши въ шу комнашу, куда пошли всѣ родшвенники и нѣкоторыя друзья, дабы взглянушь въ послѣдній разъ на прахъ Елисаветы.

Не легко описашъ чувствшванія испытуемаго духомъ при видѣ умершей особы, къ коей мы, во время ея жизни, изъ уваженія къ душѣ, ее одушевлявшей, шшпали нѣжную при-

вязанность и почтеніе. Глубокое и выпренное размышленіе о послѣдовавшемъ разлученіи души опъ шѣла съ того времени, какъ мы въ послѣдній разъ видѣли ихъ въ соединеніи, объемлеть умъ нашъ: другъ нашъ кажешся намъ въ одно время и въ близи у насъ и въ большомъ отдаленіи. Важнѣйшая и драгоцѣннѣйшая часнь отлепѣла: то, что осталось, естъ только вмѣстимости праха и шѣнія, не занимаемое болѣе тою часнью, которая въ ономъ обитала. При всемъ томъ однако же наспоющія черны изображаютъ еще то соединеніе, которое существовало во время нашихъ съ другомъ бесѣдъ. Въ первое мгновеніе мы можемъ почеснь его заснувшимъ. Второе приводитъ намъ на память, что кровь не обращается болѣе: глазъ лишился способности видѣть, ухо способности слышать, сердце уже не бѣешся, члены не движутся. Вскорѣ мысль о славѣ вѣчной представляется уму, и мы воображаемъ себѣ, что душа сія, столь намъ любезная, достигла жилища покоя, такъ долгое время ею желаннаго. Тамъ въ сонмѣ Херувимовъ и Серафимовъ воспѣваетъ она гимны Моисея и Агнца на горѣ Сіонской. Посреди благоговѣйной тишины, царствующей въ комнатѣ, въ кошорой пославлено шѣло усоншаго, воображеніе слышитъ гимны; воспѣваемые духами праведныхъ. Въ другое мгновеніе, блѣдныя губы и впалыя очи охладѣвшаго брэннаго шѣла обращаютъ мысли наши на землю и на насъ самихъ; и во время нашихъ размышленій о нашей смертности, о грѣхѣ, о смерти и о могилѣ, мы чувствуемъ въ себѣ расположеніе вознесши слѣдующую молитву: „О! даруй мнѣ, да скончаю жизнь мою яко праведникъ; даруй, чтобы кончина моя подобна была его кончинѣ.“

Ежели естъ минушы, въ кошорыя Христось и спасеніе, смерть и судъ спрашныи, небо и

адъ представляются намъ болѣе нежели когда либо важнѣйшими предметами глубокаго размышленія, то сіе бываетъ въ то время, когда мы споймъ подлѣ гроба, заключающаго въ себѣ мершвое шѣло истинно вѣрующаго.

Черты лица Елисаветы перемѣнились, но оставалось еще много сходства. Отецъ и мать ея сидѣли въ головахъ у гроба, а братъ въ ногахъ. Отецъ въ молчаніи попеременно по уснремлялъ глаза на умершую дочь, по воздѣвалъ оныя къ небу. На лицѣ его видно было усиліе, какого ему по спойло, предашься въ волю Божию; слезы, кашившіяся по покрышому отъ спаросши морщинами лицу, возвѣщали вдругъ и спраданіе, и скорбь его. Бѣдная мать плакала и рыдала; она казалась удрученною ударомъ, разлучившимъ ее съ дочерью праведно любимую. Слабость и немощь, спутники спаросши, усугубляли печаль ея до такой степени, что она внушала самое нѣжное состраданіе.

Женщина чрезвычайно благороднаго вида, копорая во всѣхъ встрѣчавшихся случаяхъ спправляла должность хозяйки просшимъ, но весьма благоприсшойнымъ образомъ, подошла ко мнѣ и сказала:

„М. Г., день сей еспѣ болѣе день радости, нежели печали. Я не сомнѣваюсь, что любезная пріятельница наша, Елисавета находипъ оный таковымъ. Она нынѣ избавилась отъ всякія скорби. Не согласны ли вы съ шѣмъ, М. Г.?“

Я спвѣстествовалъ: „Послѣ всего того, что я видѣлъ, узналъ и слышалъ, я въ полной мѣрѣ удосповѣренъ, что между шѣмъ, какъ шѣло ея здѣсь между нами, душа ея находится въ Раю со Спасителемъ ея. Она любила Его уже въ сей юдоли, а тамъ, на небѣ, она обрѣщается одесную Его, наслаждаясь на всегда счасшіемъ, копорое тамъ вкушаютъ.“

Бѣдная мать, посреди рыданія, вскричала: „Помилуй мя, Господи, помилуй мя, умилосердуйся надъ бѣдною дряхлою шварію, удрученною печалію. Чшо буду я дѣлать? Лизы нѣшь болѣе. Дочь моя умерла. О! дражайшее дитя, я не увижу тебя болѣе. Господи, умилосердуйся надо мною грѣшницею.“

„Любезная, добрая мать,“ сказала я ей, „сія послѣдняя молитва соединитъ васъ паки. Она сопровождала тысячи людей въ обитель вѣчной славы, она сопровождала шуда дочь швою, и я надѣюсь, чшо сопроводишь шуда и себя. Господь никогда не отвергаетъ прибѣгающихъ къ Нему.“

Молочникъ, прервавъ молчаніе, кошорое хранилъ дошоль, сказалъ: „Другъ мой, возложимъ упованіе наше на Бога въ разсужденіи чада нашего, и возложимъ оное на Него въ разсужденіи насъ самихъ. Господь даетъ, и Господь отъемлетъ; буди имя Господне благословенно! Мы уже спары, и намъ мало остаешся къ довершенію нашего путешествія; а шамъ — — “ далѣе не могъ онъ болѣе говорить.

Солдашъ, о коемъ я уже выше говорилъ, взявъ въ руки Библию и сказалъ мнѣ: „Можешъ спашься не въ шягость будешъ вамъ, М. Г., прочешъ одну главу прежде, нежели мы поидемъ въ церковь.“

Я исполнилъ сіе, и прочелъ чешыринадцашую главу книги Іова. Крошкая пишина царшвовала во время чшенія. Каждая минуша, кошорую мы проводили въ сей комнашъ исполненной печали, казалась драгоцѣнною. На прочитанную мною главу сдѣлалъ я нѣкошорыя изъясненія, связавъ оныя съ обстоятельствомъ пошери сесшры нашей.

„Я шолько бѣдный солдашъ,“ сказалъ воинъ нашъ, „и кромѣ жалованья не пользуюсь никаки-

ми благами міра сего; но не хотѣлъ бы промѣняшь моей надежды спасенія въ будущей жизни, на все то, что міръ сей мнѣ даровать бы могъ. Къ чему служашь всѣ богатства безъ благодати? Благословенъ Богъ нашъ; переходя изъ одного мѣста въ другое, повсюду обрѣваю я Господа. Вознесемъ благодареніе имени Его Святому; Онъ нынѣ между нами живыми и сею усопшею. Я нахожу, что очень хорошо быть здѣсь.“

Нѣкоторые другіе гости начали принимашь участіе въ разговоръ, въ продолженіе котораго весьма занимательнымъ образомъ упоминали о жизни и опытности дочери Молочника: каждый изъ пріятелей рассказывалъ какую либо черту о благодатномъ сосояніи, въ которомъ она находилась. Дальняя родственница, молодая женщина не имѣвшая еще двадцати лѣтъ отъ роду, слышавъ дополь легкомысленною и вѣтренною, чувствительна была прорупа симъ разговоромъ; и въ послѣдствіи времени имѣлъ я причины полагать, что благодать Божественная начала имѣть вліяніе на нее въ выборъ благой части, *яже не отъимется отъ нея.*

Какую разительную противоположность представляешь зрѣлице сіе, когда сравнишь оное съ безчувственнымъ, на одномъ наблюденіи обрядовъ основаннымъ, ни мало не назидательнымъ и часто неблагоприсшойнымъ собраніемъ, вспрѣчаемымъ иногда въ домъ покойника, при отправленіи погребенія?

Разговоръ нашъ, казалось, одушевилъ добрыхъ старыхъ родителей. Предметъ бесѣдованія нашего былъ пріятенъ ихъ сердцу. Казалось, что душа ихъ оживлялось, когда мы объ ономъ говорили. Часто улыбки смѣшанныя со слезами блискали на лицахъ ихъ, когда они слышали голосъ дружбы, произносящій похвалу дочери ихъ, или лучше сказать, прославляющій Того, Который содѣлалъ ее сосудомъ милосердія, и орудіемъ

толикихъ благъ духовныхъ, распросшертыхъ на ея семейство.

Насупалъ часъ, чшобы ийти въ церковь.

Я пошелъ посмотришь въ послѣдній разъ на усопшую. Лице ея выражало чрезвычайно много. На ономъ примѣнно было, что она ошавила мѣръ сей съ улыбкою; ибо сія послѣдняя видна еще была на лицѣ и обнаруживала спокойствіе ея души при ея опшесшвіи. Но обыкновенію шамошней сшраны была она въ гробу украшена лисшьями и цвѣтами. Цвѣты сіи конечно должны были увянушь; но они приводили мнѣ на память Рай, коего цвѣты неувядаемы, и гдѣ безсмертная душа ея обрѣшается въ покоѣ.

Я вспомнилъ послѣднія слова при мнѣ ея произнесенныя, и шущъ же пораженъ былъ сшавливою мыслию, что „она побѣдила смерть.“

Уходя медленно изъ сей комнаты, сказалъ я самъ про себя: „Любезная и почтенная сестра моя, миръ памяти швоей и душѣ моей, доколь встрѣшимся опять въ лучшемъ мѣрѣ.“

Вскорѣ послѣ шого начался выкосъ. Проводы сіи преимущественное заслуживали вниманіе наиболѣе пошому, что всѣ шѣ, которые слѣдовали за гробомъ, были люди истинно опшичающіеся благочесшіемъ и набожностію. Надлежало пройти болѣе мили. Я рѣшилсѣ ихъ сопровождать и ийти впереди, поелику они шли медленно.

Непосредшвенно за гробомъ шли отецъ и мать. (*) Сановитая чета сія, согбенная старосшію, проливала слезы самага сердечнаго

(*) Мать скончалась около шести мѣсяцовъ послѣ дочери, и я имѣю большія причины вѣрить, что Богъ даровалъ ей свое милосердіе и принялъ ее къ Себѣ. Да возмошетъ каждое обращенное дитя молиться и пецись споль дѣяштельнымъ образомъ о обращеніи и спасеніи своихъ родителей.

Отецъ пережилъ жену свою, и украшалъ старосшію свою поведеніемъ и обращеніемъ согласными

умиленія. Наружность ихъ весьма способствовала къ возбужденію чувствованій состраданія, привязанности и почтенія. Другіе родственники слѣдовали за ними, а друзья заключали шествіе.

Прошедъ около ста шаговъ, размышленія мои были внезапно и весьма пріятнымъ образомъ прерваны друзьями, слѣдовавшими за семействомъ и начавшими пѣть погребальныя стихи. Ничто не могло быть ни сладкозвучнѣе, ни величественнѣе. Вліяніе открытаго воздуха, смягчающаго и умѣряющаго звуки музыки, наиболѣе было здѣсь чувствительно. Дорога, по которой мы шли, была прекрасная и являла повсюду виды живописныя; она проведена была у подошвы горы, отдававшей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оглушительныя голоса пѣхъ, копорыя пѣли, казалось, слабымъ голосомъ изъявляла одобреніе. Звонъ погребальнаго колокола былъ ясно слышимъ, и много увеличивалъ дѣйствіе сего просаго и благоприличнаго обряда.

Мы прошли мимо нѣсколькихъ хижинъ; всюду наблюдаемо было почтительное молчаніе; и на лицахъ всѣхъ живо изображалось уваженіе, копорое имѣли къ молодой усопшей. Пѣніе стиховъ было продолжаемо во все время хода, съ небольшими только ошъ времени до времени остановками, не болѣе пяти минутъ продолжавшимися.

Не въ силахъ я описать того состоянія, въ копоромъ находилась душа моя во время сего погребальнаго споль торжественнаго пѣнія.

съ Евангеліемъ. Не знаю, живъ ли онъ еще; но вѣроятно, что днесъ соединена дочь съ отцомъ и съ матерью въ странѣ чистыхъ наслажденій, гдѣ царствуютъ свящые безсмертныя.

Оно привело мнѣ на память и древнія времена, и древнее благочестіе. Оно весьма способно возбудишь къ набожности, поддержать оную и внушишь привязанность къ Религіи.

Наконецъ прибыли мы въ церковь. Во время Богослуженія всѣ предстоявшіе обнаруживали глубокую внимательность, преисполненную усердія. Когда подошли мы къ могилѣ, по пѣли избранный самою Елисаветою Псаломъ. Все было просто и благоприлично; всѣ были одушевлены ревностію къ набожности. Мы передали землѣ шѣло нѣжной подруги нашей, въ швердомъунованіи славнаго воскресенія.

Такимъ образомъ прощануша была на время завѣса разлуки. Она оставила міръ сей, и здѣсь ее болѣе не увидятъ. Но въ день послѣдній явился она одесную своего Искупителя, и послѣдуетъ за Нимъ въ обитель вѣчной славы, яко чудо благодати и памятникъ Божественнаго милосердія.

Любезный Чашатель, бѣдный или богатый, явимся ли мы съ побою такимъ же образомъ? „Облечены ли мы смиреніемъ? “ Носимъ ли мы сію ризу брачную, правду Искупителю? Опстали ли мы опъ идоловъ, дабы служить живому Богу? Убѣдились ли мы въ ничтожествѣ нашемъ и прибѣгаемъ ли мы къ Спасителю, для испрошенія себѣ благодати и силы? Живемъ ли въ Немъ, опъ Него, чрезъ Него и съ Нимъ? Почитаемъ ли мы Его превыше всего? Можемъ ли про себя сказать: *изгнѣль бѣ и обрѣтѣся; мертвъ бѣ и оживе?*“

Чашатель, живущій въ бѣдности! Дочь Молочника была бѣдною служанкою и дочерью бѣднаго чловѣка. Въ семь ты имѣешьсходство съ нею; но уподобился ли ты ей, такъ какъ она уподоблялась Христу? Обогащѣль ли ты върою? Угощовадь ли ты для себя вѣнецъ? Спре-

зылся ли сердце швое къ сокровищамъ небес-
 нымъ? Въ прошивномъ случаѣ, прочни еще
 разъ повѣсть сію, и молись ревностно о даро-
 ваніи шебѣшой драгоцѣнной вѣры, кошорая нис-
 нослана была Елисаветѣ. Естли по дѣйствію
 благодати Божеспвенной ты возлюбилъ Иску-
 пишеля и служишь Ему, спасшему дочь Молоч-
 ника, шо благодать, миръ и милосердіе да бу-
 дуть съ шобою. Повѣсть сія произвела надле-
 жащее надъ шобою дѣйствіе; ты можешь быть
 увѣренъ въ доспиженіи добраго наслѣдія. Тщисъ
 исполняшь обязанности швой, и вооружа душу
 свою смиреннымъ шерпѣніемъ, возлагай свое
 упованіе на Господа. Ты былъ со мною у моги-
 лы истинно вѣрующаго. Теперь продолжай ше-
 спивованіе по пути швоему до конца, и будь
 увѣренъ, что вѣчный покой будешь удѣломъ
 швоимъ въ послѣдній день.

К О Н Е Ц Ъ.